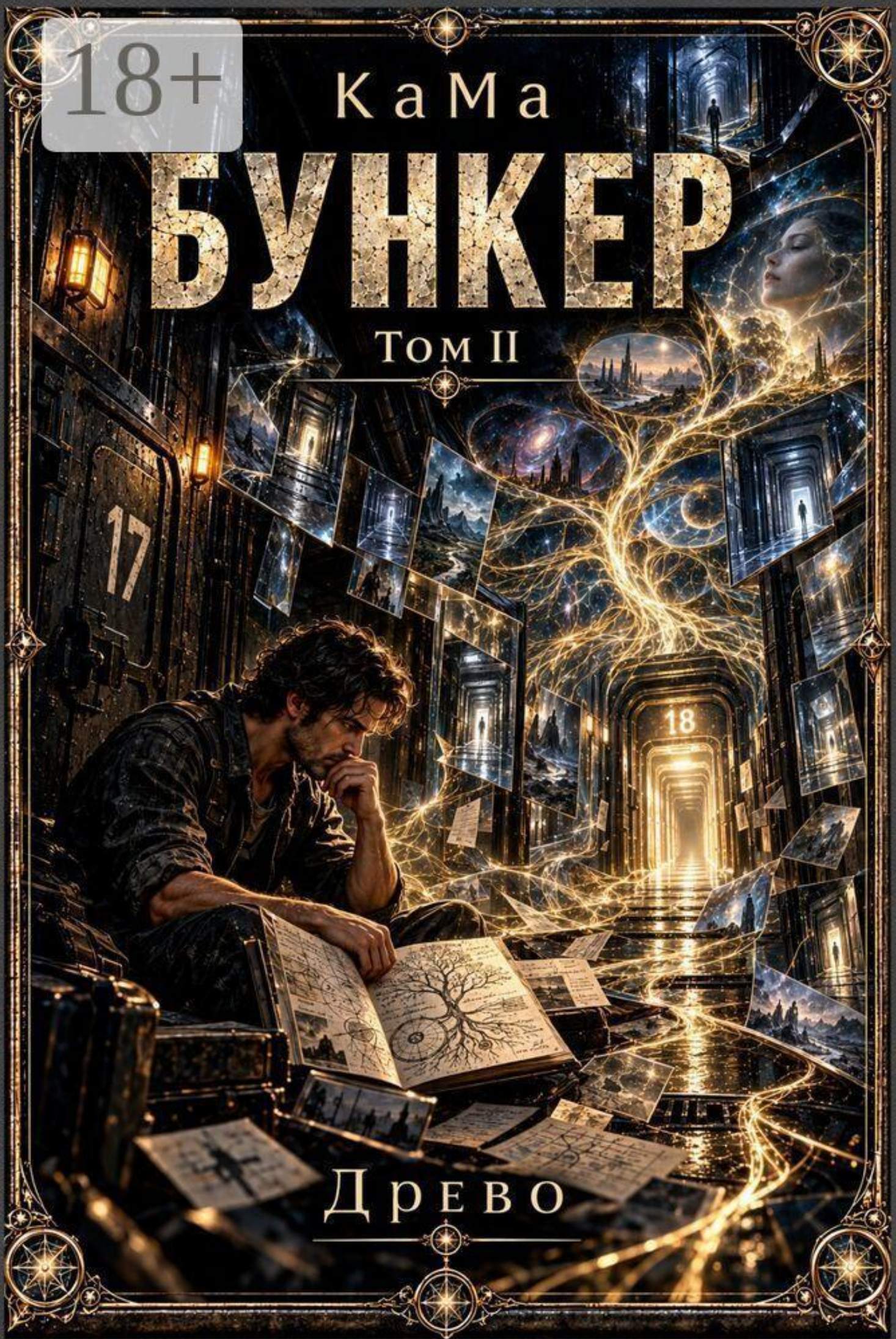
18+
КаМа
БУНКЕР
Том II
17
18
Древо

КаМа

Бункер. Том II

«Издательские решения»

КаМа

Бункер. Том II / КаМа — «Издательские решения»,

«Бункер. Том II» — главы 25–48 большого романа, ранее опубликованного в едином издании. После выхода из замкнутого пространства Ган оказывается в иной реальности, где прежние ориентиры перестают работать, а мир раскрывается как живая система связей. Древо, новые люди, память и следы прошлого постепенно соединяются в единую картину. Второй том расширяет пространство романа и переводит историю на новый уровень.

© КаМа
© Издательские решения

Содержание

БУНКЕР 7
Часть I. БУНКЕР 7
Часть II. ДРЕВО 8
Часть III. АНДРОМЕДА 9
Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА 10
Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ 11
БУНКЕР 12
Часть II. ДРЕВО 13
BRANCH 16
BRANCH 1 / ACTIVE 17
ЧАСТЬ II 24
Часть II. ДРЕВО 26
Часть II. ДРЕВО 55
Часть II. ДРЕВО 80
Часть II. ДРЕВО 104
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Бункер. Том II

КаМа

© КаМа, 2026

ISBN 978-5-0071-6252-4 (т. 2)
ISBN 978-5-0071-6245-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КаМа Картины

БУНКЕР

Часть I. БУНКЕР

Самое маленькое пространство снаружи

— Дверь — Ган оказывается в Бункере и ещё не знает, убежище это или тюрьма.

— Четыре стены — он изучает пространство и пытается восстановить последовательность событий.

— Запас воды — первые бытовые правила выживания возвращают сознание к телу и реальности.

— Чужие записи — Ган обнаруживает следы того, кто будто бы жил здесь до него.

— Шум за стеной — появляется звук, происхождение которого невозможно определить.

— Сломанные часы — время внутри Бункера начинает вести себя странно.

— Первый знак — случайное совпадение повторяется слишком точно, чтобы Ган его проигнорировал.

— Сон о дереве — ему впервые снится огромное Древо с бесчисленными ветвями.

— Человек, которого нет — Ган начинает разговаривать с невидимым собеседником и сам сомневается в своём рассудке.

— Ложная картина — он понимает, насколько легко сознание принимает предложенную кем-то версию реальности.

— Слово и действие — первое испытание ответственности: обещание самому себе приходится выполнить.

— Комната, которой вчера не было — пространство Бункера впервые физически нарушает собственные границы.

— Архив — книги, записи и фрагменты чужих культур оказываются собраны в одном месте.

— Язык повторений — Ган замечает, что разные тексты говорят об одном и том же разными словами.

— Пустота между словами — важным оказывается уже не текст, а связи между текстами.

— Нулевой поворот — он впервые переживает состояние, в котором старое движение сознания прекращается.

— Зеркало — Бункер начинает отвечать на внутреннее состояние самого Гана.

— Страх открыть дверь — становится ясно: выйти можно, но Ган сам ещё не готов.

— Цена правды — ему приходится выбирать между удобной версией событий и тем, что он действительно увидел.

— Огонь — появляется древний образ Прометея. Пока лишь как странная запись на стене.

— Первый Учитель — Ган встречает существо, которое ничего ему не объясняет, а только меняет способ его восприятия.

— Стена становится небом — впервые исчезает граница между внутренним пространством и Космосом.

— Бункер внутри — Ган понимает, что главные стены находятся вовсе не вокруг тела.

— Выход — дверь открывается, но за ней оказывается совсем не Земля, которую он ожидал увидеть.

Часть II. ДРЕВО

Вселенная начинает вспоминать себя

— Первая ветвь — Ган оказывается внутри пространства, похожего на живую карту развития Вселенной.

— Племена — он встречает цивилизацию, сохранившую то, что другие давно утратили.

— Местные Духи — пространство оказывается населено сознаниями самой местности.

— Высшие Силы — Ган обнаруживает уровни существования, которые раньше считал мифами.

— Тени — он понимает: искажение не является отдельным злом, это остановившееся движение.

— Искры — индивидуальные сознания входят в игру и создают собственные траектории.

— Стихии — Огонь, Вода, Земля, Воздух и Пространство раскрываются как способы организации сознания.

— Эфирные существа — Ган учится видеть формы, существующие между плотными мирами.

— Микромир — оказывается, что малое повторяет устройство огромного.

— Макромир — та же структура разворачивается уже на уровне звёздных систем.

— Змея Лилы — Ган впервые видит цивилизацию, поднявшуюся высоко и всё же упавшую.

— Блаженство — он понимает, что даже прекрасное состояние может стать ловушкой.

— Абсолют — ещё одна вершина оказывается не концом пути.

— Сириане — Ган узнаёт собственную древнюю линию и впервые сталкивается с культурой Света.

— Ошибка Света — стремление к Абсолюту когда-то заставило эту культуру потерять часть многообразия.

— Земные Веды — фрагменты древних земных путей оказываются связанными с той же ветвью.

— Род — память перестаёт быть только личной.

— Падшие ветви — Ган понимает ценность даже тех путей, которые закончились тупиком.

— Ничто не было напрасным — опыт каждой цивилизации становится частью будущей системы.

— Знакообразование — Ган учится читать не отдельные знаки, а отношения между ними.

— МанДаЛа связей — множество разрозненных смыслов впервые складывается в единый рисунок.

— Собиратель — становится ясна настоящая функция Гана: не выбрать лучшую ветвь, а собрать Древо.

— Точка остановки — он находит место, где развитие Вселенной когда-то прервалось.

— Андромеда — следующая ветвь оказывается миром тех, кто почти перестал умирать.

Часть III. АНДРОМЕДА

Мир бессмертных, который тоже оказался незавершённым

— Зона Андромеды — Ган входит в цивилизацию устойчивых форм.

— Бессмертные — он впервые видит существ, для которых смерть стала почти неизвестной.

— Совершенная форма — Андромеда кажется вершиной развития.

— Цена бессмертия — постепенно обнаруживается то, что эта устойчивость отняла.

— Страх изменения — бессмертные боятся не смерти, а потери собственной формы.

— Иерархия поля — их мир существует благодаря невероятно устойчивым структурам.

— Гость смертных — Ган становится для них существом почти невозможной природы.

— Умереть и остаться собой — он показывает то, чему научила его смертная Вселенная.

— Первый разлом — совершенная структура Андромеды впервые допускает изменение.

— Учитель бессмертия — Ган учится удерживать форму, не разрушаясь от перехода.

— Ученик смертности — его Учитель неожиданно сам становится учеником Гана.

— Два вида устойчивости — рождается формула: устойчивость через структуру и устойчивость через движение.

— Млеко — Ган видит собственную Галактику как мир циклов рождения и смерти.

— Переменный ток — смертность раскрывается как механизм обновления формы.

— Постоянный ток — Андромеда показывает силу непрерывного удержания.

— Фазовый сдвиг — начинается попытка синхронизировать две несовместимые системы.

— Волна — одно состояние начинает существовать сразу в нескольких фазах.

— Канон Вселенной — Ган понимает: повторение со смещением создаёт новое качество.

— Форма, которая течёт — Андромеда учится изменяться.

— Поток, который помнит форму — Млеко учится сохранять себя.

— Третья среда — между двумя системами рождается то, чего раньше не существовало.

— Первый прототип — Ган должен собрать эту конструкцию внутри собственного сознания.

— Я способен изменяться — он принимает смертность без потери себя.

— Я способен сохранять себя — он принимает устойчивость без сопротивления изменению.

Часть IV. ТОЧКА ПЕРЕХОДА

Чтобы соединить Вселенные, сначала приходится соединить самого себя

— Возвращение в Центр — Ган снова оказывается перед той самой внутренней Пустотой.

— Нулевой Спин — движение старой системы полностью прекращается.

— Отец — Ган встречается со своим образом действия, силы и ответственности.

— Ложный Отец — обещание без действия, сила без ответственности, власть без опоры.

— Ответственный Отец — слово впервые окончательно соединяется с поступком.

— Мать — открывается принимающее и сохраняющее начало.

— Ложная Мать — любовь как владение, жертва и удержание.

— Зрелая Мать — любовь становится пространством, которое помогает жизни вырасти и уйти дальше.

— Инь — способность принимать, хранить и преобразовывать.

— Ян — способность давать импульс, направление и действие.

— Общее Дао — обе силы перестают существовать как противники.

— Сердце Разума — чувство и разум впервые работают как один орган восприятия.

— Раскрытое Сердце — Ган полностью принимает собственную природу.

— Смерть старого Гана — прежняя личность больше не может удерживать новый объём.

— Путь РА — Свет Души начинает освещать дальнейшее движение.

— Все Учителя — прежние встречи раскрываются как части одной системы обучения.

— Все культуры — Ган видит, что каждая цивилизация несла один необходимый элемент.

— Все ошибки — даже тупики занимают своё точное место в МанДале.

— Карма узора — прошлое оказывается не наказанием, а инерцией уже созданной формы.

— Свобода выбора — увиденный узор впервые можно сознательно изменить.

— МанДаЛа Завершения — все связи становятся видимы одновременно.

— Прометей — способность зажечь Свет передаётся каждой точке системы.

— Огонь во всех точках — МанДаЛа перестаёт иметь единственный центр.

— Точка Перехода — две Вселенные входят друг в друга.

Часть V. НОВАЯ ФОРМАЦИЯ

Самое большое пространство оказалось внутри Бункера

— Вспышка — Вселенная не погибает: она впервые загорается целиком.

— Яйцо Света — свечение распределяется по всей структуре равномерно.

— Новая МанДаЛа — прежние ветви сохраняются, но теперь принадлежат одной системе.

— Память Вселенной — ни один добытый опыт больше не теряется.

— Следующий виток — круг превращается в спираль.

— Земля — внимание возвращается к маленькой планете, с которой всё начиналось.

— Экспериментальная реальность — Ган понимает необычность земного пути.

— Множество народов — различие перестаёт восприниматься как препятствие единству.

— Единая цивилизация — единство оказывается согласованием, а не одинаковостью.

— Язык Сынов — разные традиции впервые начинают понимать друг друга без уничтожения различий.

— Знания Родов — сохранённое прошлое становится ресурсом будущего.

— Человек Земли — новая цивилизация начинается не с технологии, а с зрелого человека.

— Ответственность — галактический уровень проверяется самыми обычными поступками.

— Дом — способность поддерживать порядок в малом оказывается условием порядка в большом.

— Ребёнок — будущее определяется тем, что цивилизация передаёт следующим поколениям.

— Женщина и Мужчина — Инь и Ян становятся сотрудничающими силами общего Дао.

— Технология Света — техника перестаёт опережать сознание тех, кто ею пользуется.

— Совет Миров — Земля впервые входит в отношения с другими цивилизациями не как ученик и не как завоеватель.

— Галактический человек — граница между земной и космической идентичностью исчезает.

— Ган возвращается — после всех миров он снова оказывается у первой двери.

— Четыре стены — Бункер выглядит совершенно таким же, как в начале романа.

— Одна комната — читатель начинает сомневаться, происходило ли всё путешествие физически.

— Открытая дверь — снаружи обычный мир, но Ган уже видит в нём всю МанДаЛу.

— Бункер — последняя истина: **самое маленькое пространство снаружи оказалось самой большой Вселенной внутри.**

БУНКЕР

эпиграф ко всему роману

Пролог. Точка Ноль

Когда всё закончилось, никто этого не заметил.

Звёзды продолжали гореть, вода двигалась к берегу, где-то рождались дети, где-то старики закрывали глаза, уверенные, что Вселенная останется после них ровно такой же, какой была до них.

Только в одной точке движение остановилось.

На мгновение — если измерять временем.

Навсегда — если измерять состоянием.

Именно там возникла возможность начать иначе.

Позже это назовут Точкой Перехода.

А пока существовала лишь дверь.

И человек, который ещё не знал, что однажды ему придётся её открыть.

Часть II. ДРЕВО
Вступление

Ночью Древо светилось.

Ган видел его на экране дальней камеры — огромный тёмный силуэт, уходящий кроной выше леса, словно сама земля однажды решила поднять к небу всё, что хранила в глубине.

Ветки двигались медленно.

Ветер там был слабым.

На этой стороне белая дверь оставалась закрыта, и Бункер снова выглядел обычным: бетон, трубы, лампы, металлические ступени. Но теперь Ган знал цену слову «обычный».

За несколькими сантиметрами стали существовало место, которого не было ни на одном плане.

И где-то в этом месте люди произносили:

— Гааан…

Он прослушал запись ещё раз.

Лара, сидевшая напротив, подняла глаза.

— От повторения перевод не появится.

— Зато ухо перестаёт слышать моё имя.

— Уже хорошо.

Ган кивнул.

В первый раз слово ударило прямо в него. Теперь он различал длинную гласную, мягкий конец, почти незаметный придыхательный звук перед последним слогом.

Чужое слово.

Пока ничьё.

Так было честнее.

Он остановил запись.

На экране осталась ночная поляна.

Далеко, почти у края кадра, между ветвями Древа вспыхивали огни.

Они возникали не одновременно. Один загорался у основания большой ветви, другой значительно выше, потом ещё два в глубине кроны. Иногда какой-то свет исчезал и через несколько минут появлялся в другом месте.

Вчера Ган подумал о жилищах.

Сегодня уже не был уверен.

Может быть, светились растения.

Насекомые.

Сигналы.

Огонь.

Ему нравилось, что вариантов стало много.

После первой части жизни в Бункере он наконец перестал считать неизвестность поломкой, которую нужно немедленно устранить.

Иногда неизвестность была просто пространством до следующего шага.

Лара поставила рядом кружку.

— Спать будешь?

— Уже утро.

— Именно поэтому спрашиваю.

Он посмотрел на время.

5:48.

На той стороне было темнее, чем два часа назад.

Разница освещения сохранялась. Суточный цикл там явно не совпадал с местным, хотя кварцевые часы обеих сторон шли одинаково.

Слишком много вопросов для одного утра.

Хорошо.

Ган выключил основной монитор.

Комната сразу уменьшилась.

Древо исчезло.

Осталась чёрная поверхность экрана.

Он неожиданно почувствовал отсутствие почти физически.

— Странно.

— Что?

— Пока монитор включён, кажется, что оно рядом.

Лара посмотрела на погасший экран.

— Оно и есть рядом.

— За дверью.

— Да.

— Но расстояние до Древа мы даже приблизительно не знаем.

— Значит, рядом — плохое слово.

Ган улыбнулся.

Ратнер был бы доволен.

Он поспал три часа.

Проснулся от солнца.

Настоящего.

Луч пробивался через маленькое наружное окно технического помещения и лежал на полу узкой полосой.

Ган несколько секунд смотрел на него и улыбался.

Вчера солнце за белой дверью казалось событием.

Сегодня обычный октябрьский свет вдруг стал не менее удивительным.

Мир имел неприятную привычку становиться привычным именно там, где человек переставал смотреть.

Он поднялся.

Лара уже работала.

На столе лежала фотография рисунка, оставленного женщиной на белой дощечке.

Дерево.

Четыре расходящиеся линии у основания.

Точки в ветвях.

Ган сел.

— Что-нибудь нашли?

— Пока только очевидное.

— То есть?

— Это рисунок дерева.

— Блестяще.

— Я стараюсь.

Он взял фотографию.

Вчера изображение почти автоматически соединилось со старой схемой Николая.

Сегодня сходство стало слабее.

На рисунке не было геометрической точности.

Ветви разные.

Корни кривые.

Одна сторона кроны гуще.

Четыре линии внизу могли быть ручьями.

Могли обозначать дороги.

Могли вообще быть декоративным знаком.

А точки…

Ган вспомнил ночные огни.

Вот уже полезнее.

Если местная женщина рисовала не абстрактное дерево, а именно то огромное Древо, точки, возможно, соответствуют чему-то существующему в кроне.

Это можно проверить.

Не сегодня же объявлять их городами.

— Мне нравится, — сказал он.

— Что?

— Что рисунок хуже нашей схемы.

Лара рассмеялась.

— Объясни.

— Наша схема слишком правильная. А это похоже на вещь, которую человек действительно нарисовал за минуту.

Он провёл пальцем над фотографией.

— Если бы она нарисовала спираль, четыре идеальных корня, центральную ось и семнадцать точек, я бы уже подозревал, что система издевается.

— А сейчас?

— Сейчас подозреваю мир.

— В чём?

Ган улыбнулся.

— В самостоятельности.

Андрей приехал к десяти.

Вошёл быстро, не снимая куртки.

— Есть новости.

Ган посмотрел.

— Хорошие?

— Не знаю.

— Тогда настоящие.

Андрей положил на стол старую папку.

На обложке:

BRANCH

По-английски.
Без номера.
Дата — 1987.
Ган не сразу взял.
— Где нашёл?
— У отца. Не в Бункере.
— Дома?
— В коробке с картами.
— Ты всё это время её не видел?
— Видел папку. Думал, геология.
Он сел.
Лара открыла.
Первые листы действительно были геологическими.
Разрезы.
Водные горизонты.
Изломы пород.
Потом появились схемы поля.
Четыре компонента.
Петли.
Узлы.
И рисунок, очень похожий на дерево.
Ган почувствовал, как внутри поднимается знакомое возбуждение.
Не позволил ему стать выводом.
Андрей перевернул ещё страницу.
Там рукой Николая:
«Ветвь — устойчивое продолжение системы после точки, где сохранялись несколько допустимых вариантов».
Ган прочитал дважды.
Вот.
Техническое значение.
Бифуркация.
Не мистическое Древо.
Пока.
Ниже:
«Если после нулевого участка система собирает новый устойчивый порядок, дальнейшая история зависит от выбранной ветви».
Лара посмотрела на Гана.
— Это уже ближе.
Он кивнул.
Именно после нулевого поворота белая дверь зарегистрировала:

BRANCH 1 / ACTIVE

Значит, слово «ветвь» система использовала не как литературный образ.
Это старый термин проекта.
А огромное Древо за дверью могло оказаться совершенно независимым совпадением.
Или нет.
Нужно проверять.
Андрей достал последний лист.
— Вот из-за этого я приехал.
На нём стояла короткая запись.
«Первая ветвь никогда не является первой вообще. Она только первая, которую наблюдатель способен различить после перехода».
Ган молчал.
Хорошая фраза.
Опасная.
Потому что мгновенно хотелось превратить её в метафизику.
Но в контексте нелинейной системы она была вполне технической.
У процесса есть история до точки наблюдения.
Человек просто входит в неё в определённом месте.
Как родившийся ребёнок не начинает мир.
Как путешественник не создаёт дорогу первым шагом.
Как Ган не создавал людей за белой дверью тем, что впервые увидел их на камере.
Они уже жили.
Вот это было важно.
Вторая часть не начиналась с того, что герой открыл новый мир.
Мир не нуждался в том, чтобы быть открытым Ганом.
Он просто оказался доступен ему.
Огромная разница.
— Значит, «Первая ветвь», — сказал Андрей.
Ган посмотрел.
— Для нас.
— Да.

К белой двери пошли после полудня.
На этот раз без ощущения финала.
Она перестала быть кульминацией.
Стала маршрутом.
Ган заметил это сразу.
Вчера каждое движение ручки имело вес.
Сегодня он открыл дверь почти привычно.
Солнце ударило в коридор.
Тёплый воздух.
Трава.
Вода.
Поляна.
Мир всё ещё там.
Это почему-то радовало.
Как будто существование другой стороны всю ночь могло отмениться.

На станции не было повреждений.
Дощечка с рисунком лежала рядом.
Карандаш исчез.
Не потерялся — его забрали.
Ган улыбнулся.
Первый обмен.
Очень маленький.
Но уже история.
— Что оставим? — спросил Андрей.
— Пока ничего.
— Почему?
— Вчера дали средство оставить знак. Они использовали. Теперь очередь не обязательно наша.
Лара посмотрела.
— Хочешь ждать?
— Да.
Слово прозвучало естественно.
Он сам удивился.
Они вышли втроём.
Не дальше ручья.
Сегодня задача была другая: наблюдать.
Тропа.
Растения.
Небо.
Звуки.
Древо.
Ган поднял бинокль.
Вот теперь оно стало ближе.
И гораздо страннее.
Ствол действительно существовал.
Не облако.
Не гора.
Не оптическая иллюзия перспективы.
Кора тёмная, местами серебристая.
Массивные ветви расходились на разных высотах.
Но главное — на них были структуры.
Не листья.
Не только листья.
Что-то построенное.
Ган сначала решил, что огромные гнёзда.
Потом увидел прямые линии.
Платформы?
Мосты?
От одной ветви к другой тянулись тонкие дуги.
Возможно, лианы.
Возможно, конструкции.
Слишком далеко.
— Лара.
Она взяла бинокль.

Долго смотрела.
— Да.
— Что?
— Что-то есть.
— Жилища?
— Я сказала «что-то».
Ган улыбнулся.
Андрей посмотрел следом.
— Свет ночью был там.
Вот это уже проверяемая связь.
Точки ночного света соответствовали зонам, где сейчас видны структуры.
Значит, вероятность обитаемого Древа выросла.
Не доказательство.
Но хорошая причина идти ближе.
Не сегодня.

Люди появились ближе к вечеру.
Четверо.
Та же женщина.
Мужчина с доски.
Ещё двое.
Один старше.
Один совсем молодой.
Они шли по тропе спокойно.
Без оружия, по крайней мере видимого.
Остановились у ручья.
Ган и его группа — на другой стороне.
Вот.
Первый настоящий контакт без камеры между ними.
Расстояние — семь метров.
Вода посередине.
Очень удобно.
Природная граница.
Никто специально её не строил.
Женщина сказала:
— Гааан.
Теперь звук слышался ясно.
Она показала рукой не на Гана.
На Древо.
Вот.
Ган почувствовал, как вчерашнее предположение рушится окончательно.
«Гаан» связано с Древом.
Или с направлением к нему.
Он повторил осторожно:
— Гааан?
Женщина улыбнулась.
Кивнула.
Показала снова.
— Гаан.

Мужчина рядом произнёс другое слово и указал на саму женщину.
Имя?
Ган попробовал повторить.
Она поправила произношение.
Все засмеялись.
Никакой великой встречи цивилизаций.
Четыре человека смеются, потому что чужак плохо произнёс имя.
Это было прекрасно.
Ган тоже засмеялся.
Потом коснулся груди.
— Ган.
Женщина замерла.
Повторила:
— Ган?
Теперь смеялись уже они.
Разница между **Ган** и **Гаан** стала очевидной.
Она несколько раз произнесла оба слова рядом.
— Ган. Гаан.
И показала:
Ган — на него.
Гаан — на Древо.
Вот.
Первое слово словаря.
Ган почувствовал почти детский восторг.
Не знак судьбы.
Не древнее пророчество его имени.
Простая фонетическая близость двух слов.
И от этого мир стал только интереснее.
Лара тихо сказала по-русски:
— Записали.
Ган кивнул.
Женщина услышала звук её голоса.
Посмотрела.
Лара коснулась себя.
— Лара.
Женщина повторила:
— Лаа?
Лара рассмеялась.
— Почти.
Мужчина указал на себя.
Сказал имя.
Потом старший.
Потом молодой.
Ган не успел удержать всё.
Хорошо, камера пишет.
Не надо притворяться идеальной памятью.

Старший человек подошёл к ручью.
В руке у него была вещь, похожая на чашу.

Дерево или плотная кора.
Он набрал воды.
Поставил на камень между ними.
Потом отошёл.
Приглашение?
Возможно.
Ган посмотрел на Лару.
Она подняла бровь.
Не пить.
Конечно.
Но действие можно понять как предложение.
Ган достал свою металлическую кружку.
Набрал воду с их стороны того же ручья.
Поставил на свой камень.
Старик посмотрел.
Улыбнулся.
Не универсальный язык.
Но некоторые симметрии понятны почти без перевода.
Они простояли так минут двадцать.
Показывали предметы.
Называли.
Камень.
Вода.
Дерево.
Небо.
Рука.
Имя.
Слова записывались.
Некоторые Ган уже путал.
Одно слово местные произносили по-разному в зависимости от того, кто говорил.
Может быть, окончания.
Может, ударение.
Язык был живой.
И потому сопротивлялся таблице.
Прекрасно.

Когда солнце начало снижаться, женщина снова показала на Древо.
Потом на них.
Потом сделала жест рукой к себе.
Приглашение.
Вероятно.
Ган почувствовал, как внутри всё собирается.
Вот.
Можно идти.
Первая ветвь.
Древо.
Люди.
Следующая глава уже стоит перед ним.
Но протокол сегодняшнего дня был ограничен поляной.

Он обещал.
Ган положил ладонь на грудь.
Покачал головой.
Показал на белую дверь.
Потом на небо — завтра?
Как изобразить завтра без языка?
Он показал на солнце.
Провёл рукой вниз.
Потом снова вверх.
Женщина внимательно смотрела.
И, кажется, поняла.
Она подняла один палец.
Показала на солнце.
Потом на Древо.
— Гаан.
Ган кивнул.
— Завтра.
Конечно, она не поняла слово.
Но смысл, возможно, получился.
Они разошлись.
Местные ушли по тропе.
Ган смотрел им вслед.
Женщина один раз обернулась.
Не махнула.
Просто проверила, идут ли они.
Потом скрылась среди деревьев.

В Бункере они первым делом не строили философию.
Сели расшифровывать звук.
Имена.
Слова.
Жесты.
Очень быстро стало ясно: их первая версия словаря ужасна.
То, что Ган принял за слово «вода», могло означать «пить».
То, что Лара записала как «камень», местный мужчина произнёс и у большого валуна, и у металлической пряжки.
Может быть, «твёрдое».
А может, цвет.
А может, вообще «это».
Без контекста неизвестно.
Вот как рождаются ошибки первых контактов.
Человек хочет превратить чужой язык в собственные категории слишком быстро.
Ган чувствовал невероятное удовольствие.
Перед ними была настоящая работа.
Не разгадка, подготовленная Бункером.
Другие люди.
Их слова.
Их мир.
Они ничего не обязаны объяснять герою.

Вот чего раньше в романе почти не было.

В Бункере всё так или иначе относилось к Гану.

Записи были оставлены его предшественниками.

Система строилась вокруг его поведения.

Книга писала его историю.

Даже загадки выбирали его реакцию.

Здесь впервые возникло пространство, у которого собственная жизнь началась задолго до его появления.

Он больше не был центром.

Это ощущалось освобождающе.

Ночью Ган снова смотрел на Древо.

Теперь знал его местное звучание.

Гаан.

По крайней мере приблизительно.

Удивительная близость к имени.

Но теперь она не казалась посланием.

Просто один из тех языковых мостиков, которые иногда случаются и заставляют человека улыбнуться.

Ган.

Гаан.

Человек и Древо.

Лара сказала:

— Книга это обожает.

— Даже не показывай ей.

— Поздно.

Он повернулся.

— Она написала?

— Да.

Том лежал на столе.

Вторая часть открылась сама?

Нет.

Книга всё ещё была первым томом.

После главы двадцать четыре появилась новая страница.

На ней всего несколько слов:

ЧАСТЬ II
ДРЕВО

Ни главы.
Ни текста.
Ган смотрел.
Значит, система тоже считает границу пройденной.
Он перевернул страницу.
Следующая чистая.
Хорошо.
Пусть сначала случится.
Потом напишется.
На этот раз он не хотел читать вперёд даже названия.
Хотя сам знал структуру.
Первая ветвь.
Название уже существовало в старом плане.
Но теперь получило реальное место.

Перед сном Ган вышел на поверхность нашего мира.
Ночь.
Холод.
Звёзды.
Озеро почти чёрное.
На той стороне белой двери тоже была ночь.
Но другая.
Два неба существовали на расстоянии нескольких коридоров.
Это всё ещё не укладывалось в привычную физику.
И пусть.
Физика не обязана немедленно уступить.
Ей просто досталась новая задача.
Ган сел на бетон у входа.
Вспомнил первый день.
Тогда Бункер был всем миром, потому что он не помнил ничего за дверью.
Теперь у него было две внешние среды, и ни одна больше не казалась окончательной.
Он думал, что пространство расширяется, когда открывается новая дверь.
На самом деле расширялось число отношений.
Мать существовала в одном направлении.
Лара — рядом.
Андрей — между поколениями проекта.
Ратнер — далеко, по телефону.
Лея — в прошлом, которое нельзя заставлять отвечать.
Люди Гаан — за белой дверью.
Древо — на горизонте.
Все точки становились частью одной всё более сложной карты.
И карта пока не имела центра.
Это нравилось ему больше всего.
В Бункере Ган учился выходить из собственной картины.

В Древе, возможно, придётся научиться жить среди множества карт сразу.
Он поднялся.
Вернулся вниз.
Перед белой дверью остановился ненадолго.
Не открыл.
Завтра.
За металлом существовала тропа.
Она начиналась у ручья, проходила между деревьями и уходила к Гаан.
Дальше Ган не видел.
И впервые этого было достаточно.
Потому что путь, конец которого известен заранее, слишком похож на коридор.
А Древо начиналось там, где коридор заканчивался.

Часть II. ДРЕВО
Глава 2. Племена

Утром за белой дверью их уже ждали.

Ган увидел женщину ещё на мониторе, пока Лара затягивала ремень рюкзака. Она стояла у ручья в том же светлом длинном одеянии, что накануне, только волосы сегодня были собраны высоко и перехвачены узкой синей лентой. Рядом сидел молодой мужчина, которого они вчера видели впервые. Он возился с чем-то на коленях — то ли плёл шнур, то ли чинил обувь.

На камеру оба почти не смотрели.

Это понравилось Гану.

За два дня прибор перестал быть для них чудом и превратился в предмет местности, вроде необычного камня. Возможно, именно так и начиналось настоящее знакомство: когда люди прекращали глазеть друг на друга и наконец могли заняться делами.

На траве перед женщиной лежала вчерашняя дощечка.

К рисунку прибавилось несколько линий.

Ган приблизил изображение.

Дерево осталось прежним. Четыре черты у основания тоже. Но теперь от ствола в разные стороны отходили тонкие дорожки. Вдоль них женщина нарисовала маленькие значки, похожие на перевёрнутые чаши.

— Дома? — предположил Андрей.

— Или горы, — ответила Лара.

— Или чаши, — сказал Ган.

Они посмотрели на него.

— Что?

— Мы вчера договорились.

— О чём?

— Не превращать первый знакомый рисунок в карту Империи.

Андрей усмехнулся.

— Очень трудно с тобой стало.

— Я совершенствуюсь.

На столе рядом с монитором лежали три рюкзака.

Сегодня собирались идти дальше.

Решение приняли ещё ночью, но утром проверили заново. Состояние белой двери не изменилось. Поле стабильно. Внешняя ветвь оставалась активна. Никаких новых фазовых сдвигов система не зарегистрировала.

Главный вопрос был человеческим.

Кто идёт.

Ган считал очевидным, что все трое.

Лара — что очевидно обратное.

В итоге Андрей сам решил остаться.

— Первый длинный выход должен иметь оператора здесь.

— Ты постоянно остаёшься, — сказал Ган.

— Именно поэтому пока живы все, кто выходит.

— Неубедительная причинность.

— Зато приятная статистика.

Андрей сказал это легко, но Ган заметил, как тот избегает смотреть на дальнюю кромку изображения, где над лесом поднимался Гаан.

Для Андрея эта дверь несла слишком много отцовской истории. Возможно, пройти через неё на несколько минут он мог. Уйти далеко от возможности вернуться — пока нет.

Ган не стал разбирать его состояние.

Ратнер очень вовремя попросил не делать из людей персонажей.

Даже мысленно.

— Хорошо, — сказал он. — Мы с Ларой. Ты здесь.

Андрей кивнул.

— Связь держим до тех пор, пока держится.

— Если пропадёт?

— Пять минут на восстановление. Потом возвращаетесь.

— Даже если будем видеть Древо?

— Особенно если будете видеть Древо.

— Ты становишься Ларой.

— Это заразно.

Лара застегнула рюкзак.

— Я предупреждала.

Белая дверь открылась без сопротивления.

Мир за ней встретил их влажным теплом.

Сегодня в воздухе было больше запахов. За ночь или за местный вечер распустилось что-то сладкое: аромат шёл от низких кустов возле ручья и напоминал одновременно липу, мёд и мокрую кору.

Женщина заметила движение двери и поднялась.

Улыбнулась.

Коснулась груди.

— Аира.

Вот.

Вчера они записали её имя неправильно.

Гану послышалось что-то вроде «Айя». На чистой записи оно действительно звучало иначе: первый звук короткий, потом лёгкое дрожащее «р».

— Аира, — повторил он.

Она поправила ударение.

— Аи́ра.

— Аи́ра.

Улыбнулась шире.

Теперь Ган коснулся себя.

— Ган.

— Ган.

Потом показал на Лару.

— Лара.

— Ла-ра.

Почти точно.

Молодой мужчина поднялся.

Коснулся груди.

— Тэй.

Коротко.

Ган повторил.

Тэй посмотрел на него несколько секунд, затем удовлетворённо кивнул.

Четыре имени.

Уже почти роскошь.

Аира показала вдоль тропы.

— Гаан.

Потом на себя.

На Тэя.

Снова на дорогу.

Вчера это было приглашением.

Сегодня сомнений почти не осталось.

— Идём, — сказал Ган.

Лара включила запись на груди.

Не скрытую.

Аира заметила устройство, коснулась пальцем своего горла и что-то спросила.

Лара показала на микрофон, потом произнесла:

— Аи́ра.

Коснулась кнопки воспроизведения.

Из маленького динамика вышло:

— Аи́ра.

Женщина вздрогнула.

Тэй тоже.

Оба несколько секунд смотрели на прибор, потом Аира неожиданно рассмеялась.

Не испуганно.

Её очень развеселило, что маленькая чёрная вещь украла кусок её голоса и тут же вернула.

Она сказала длинную фразу.

Лара записала.

Воспроизвела.

Теперь засмеялся Тэй.

Он произнёс что-то ещё быстрее.

Запись вернула и это.

Через минуту они уже по очереди говорили в микрофон и слушали себя.

Ган наблюдал и чувствовал, как уходит последнее напряжение встречи.

Технология могла быть оружием власти, предметом страха или превосходства.

Пока она стала игрушкой.

Неплохое начало.

Тропа шла вдоль ручья.

Потом пересекла его по плоскому камню и вошла в лес.

Ган сразу понял, почему камера с поляны плохо передавала местный масштаб.

Деревья были крупнее земных аналогов, но не чудовищно. Просто лес будто получил больше времени. Стволы шире, кроны выше, воздух влажнее. Между огромными корнями оставались глубокие ложбины, заполненные папоротниками и низкими цветами.

Незнакомых растений было много.

Но встречались и почти обычные.

Сосна.

Берёза — или дерево, очень похожее на неё.

Клевероподобные листья.

Мох.

Грибы на гниющем стволе.

Такое смешение тревожило сильнее абсолютно чужого мира.

Если бы всё было фиолетовым, шестиногим и светящимся, разум быстро присвоил бы ярлык «другая биосфера».

Здесь половина леса говорила: Земля.

Другая половина тихо добавляла: присмотрись.

Лара остановилась у куста.

— Это видишь?

На ветке висели плоды.

Маленькие, матовые, синевато-серые.

Листья напоминали иву.

— Не трогай.

— Я и не собиралась.

Аира заметила их интерес.

Подошла.

Сорвала один плод.

Разломила.

Внутри мякоть была почти белой.

Она понюхала и протянула Гану.

Он не взял.

Аира удивилась.

Тогда съела сама.

Тэй сказал что-то и рассмеялся.

Вероятно, комментарий по поводу подозрительных чужаков, которые боятся ягод.

Ган показал на плод.

— Как?

Аира произнесла:

— Сэ.

Он повторил.

Она кивнула.

Первое существительное, значение которого они получили довольно надёжно.

Вероятно.

Если она не сказала «ешь».

Лара тихо напомнила:

— Не записывай пока как ягоду.

— Я уже обучен.

— Вижу.

Через двадцать минут тропа стала шире.

Появились первые следы человеческой работы.

Не дома.

Вода была направлена по неглубоким желобам между корнями. Где-то желоба выложены камнем, где-то сплетены из плотных ветвей. На одном участке поток разделялся надвое и уходил к небольшим террасам, где росли одинаковые растения.

Земледелие.

Ган присел возле края.

Террасы были очень аккуратными, но никакой прямоугольной сетки.

Они повторяли рельеф.

Если смотреть издалека, почти невозможно понять, где заканчивается природный склон и начинается человеческая работа.

Лара сказала:

— Хорошая ирригация.

Аира услышала чужое слово, посмотрела.

Ган показал на воду.

Потом на желоб.

Она назвала два разных слова.

Одно, вероятно, вода.

Другое — канал или направлять.

Лара записала оба.

Язык постепенно возникал из вещей.

Это было медленно.

И прекрасно.

Никакого универсального переводчика.

Никакой волшебной нейросети, которая через минуту выдаст свободный диалог.

Два человека показывают на воду и по нескольку раз произносят звук, надеясь, что другой понял хотя бы область смысла.

Вот сколько труда спрятано в обычном человеческом слове.

Первое жилище Ган чуть не пропустил.

Он искал дом.

Нашёл склон.

Аира свернула с тропы и подошла к большому корню. Между двумя его подъёмами темнел вход.

Снаружи строение почти сливалось с землёй.

Стена из камня и переплетённых ветвей продолжала линию корня. Крыша покрыта травой. Перед входом висели связки растений и несколько круглых предметов из дерева.

Изнутри вышла женщина.

Старше Аиры.

Остановилась.

Посмотрела на гостей.

На мгновение лицо стало жёстким.

Аира заговорила быстро.

Несколько раз прозвучало:

— Ган.

Потом:

— Лара.

И:

— Гаан.

Старшая женщина расслабилась.

Подошла ближе.

Осмотрела обоих так внимательно, что Гану захотелось проверить, застёгнута ли куртка.

Потом взяла его за запястье.

Не спрашивая.

Пальцы легли на пульс.

Ган замер.

Лара тоже.

Женщина считала.

Или просто ощущала.

Через несколько секунд отпустила.

Потом взяла руку Лары.

То же самое.
Сказала что-то Аире.
Тэй засмеялся.
— Что? — спросил Ган, прекрасно понимая бесполезность вопроса.
Старшая женщина посмотрела ему прямо в лицо.
Постучала дважды пальцем по собственной груди.
Потом один раз по его.
Сказала:
— Ра.
Ган нахмурился.
Она повторила.
— Ра.
Аира произнесла это слово тоже.
Лара записала.
Потом старшая женщина хлопнула ладонью по груди Тэя.
— Ра.
По груди Аиры.
— Ра.
Значит, не имя.
Возможно, сердце.
Живой.
Человек.
Пульс.
Ган показал на грудь.
— Ра?
Женщина улыбнулась.
Кивнула.
Хорошо.
Пока оставим поле значения открытым.
Она пригласила их внутрь.
Ган посмотрел на Лару.
Та едва заметно покачала головой.
Протокол.
Закрытые помещения неизвестной среды пока не надо.
Ган приложил ладонь к груди, слегка поклонился и показал на дорогу.
Женщина поняла.
Не обиделась.
Это тоже было хорошим знаком.

За первым домом появились другие.

И тогда слово **племя**, которое Ган носил с собой из заранее составленного плана книги, начало казаться слишком тесным.

Он ожидал поселение.

Деревню.

Группу домов вокруг дороги.

Местность была устроена иначе.

Жилища возникали на расстоянии друг от друга, вплетаясь в корни, скалы, стволы. Между ними — сады, мастерские под навесами, водные каналы, открытые площадки. Иногда несколько строений соединялись мостиками.

Людей становилось больше.

Они выходили посмотреть.

Дети делали это без всякого достоинства.

Сначала один мальчик пошёл за ними.

Потом девочка.

Через минуту уже шестеро детей двигались следом, прятались за взрослыми, перешёптывались и смеялись каждый раз, когда Ган оборачивался.

Один совсем маленький ребёнок подошёл и потрогал его куртку.

Мать резко что-то сказала.

Ребёнок отдёрнул руку.

Ган присел.

Показал ткань.

Позволил потрогать.

Малыш провёл пальцами по молнии.

Сделал серьёзное лицо.

Потом потянул замок вниз.

Куртка раскрылась.

Все дети захохотали.

Ган тоже.

— Великолепный первый культурный обмен, — сказала Лара.

— Они получили молнию.

— Ты — унижение.

— Равный обмен.

Дети уже смотрели на Ларину куртку.

Она сразу положила ладонь на молнию.

— Даже не думайте.

Разумеется, никто её не понял.

И это сделало ситуацию ещё смешнее.

На открытой площадке возле воды они впервые увидели людей, явно отличавшихся от спутников Аиры.

Не чертами лица.

Одеждой.

Движением.

Манерой держаться.

Трое мужчин и две женщины разгружали длинную узкую лодку. Материал лодки выглядел почти чёрным, с металлическим блеском, хотя при ударе звучал как дерево.

На людях были тёмные короткие плащи, застёгнутые у одного плеча. Волосы почти у всех коротко подрезаны. На предплечьях — широкие медные или бронзовые кольца.

Аира изменилась.

Совсем немного.

Её шаг стал медленнее.

Тэй перестал улыбаться.

Вот.

Различие.

Один из людей у лодки заметил гостей.

Посмотрел сначала на Гана и Лару.

Потом на Аиру.

Сказал короткую фразу.

Ответила она.
Тон спокойный.
Но в разговоре появилась граница, которой раньше не было.
Мужчина подошёл.
Высокий.
Возраст трудно определить — от тридцати до пятидесяти.
Кожа темнее, чем у Аиры. У виска тонкая белая линия — краска или шрам.
Он сказал:
— Гаан?
Аира ответила.
Потом показала на Гана.
— Ган.
Мужчина посмотрел.
Повторил:
— Ган.
И улыбнулся.
Напряжение немного ушло.
Он коснулся груди.
— Орт.
Имя?
Вероятно.
Ган:
— Орт.
Тот кивнул.
Потом показал на Аиру и произнёс слово, которого они ещё не слышали:
— Шай.
Аира ответила другим:
— Ран.
Орт коснулся себя:
— Тар.
Ган почувствовал, что сейчас происходит что-то важное.
Два слова.
Возможно, названия групп.
Он показал сначала на Аиру.
— Ран?
Она покачала головой.
Повторила что-то длиннее.
Показала вокруг: на дома, людей, воду.
Потом произнесла:
— Ран.
Орт указал на лодку, своих спутников и себя.
— Тар.
Вот.
Похоже.
Лара записала.
Ган понял, что название главы пришло не из фантазии.
Группы действительно существуют.
Только ещё неизвестно, что они означают.
Народ?

Поселение?
Род?
Профессия?
Территория?
Союз?
Нельзя сразу переводить «племя».
Он так и написал позже:
Ран / Тар — самоназвания или групповые обозначения. Значение уточнить.

Орт достал из лодки небольшой свёрток.
Развернул ткань.
Внутри лежали тонкие пластинки тёмного материала.
Похожего на слюду или вулканическое стекло.
Он передал одну Аире.
Она осмотрела на свет.
Потом достала из поясной сумки несколько высушенных светлых клубней и отдала ему.
Обмен.
Никаких монет.
По крайней мере здесь.
Ган смотрел внимательно.
Орт заметил.
Протянул ему одну пластинку.
Ган не взял сразу.
Показал:
— Мне?
Орт повторил жест.
Да.
Ган принял.
Материал был лёгким.
Тёплым от руки.
Поверхность полированная с одной стороны, шероховатая с другой.
Внутри проходили золотистые прожилки.
Красиво.
Ган машинально потянулся в карман.
Что дать взамен?
Ничего специально не подготовили для торговли.
Монета — бессмысленна.
Нож — слишком большая технологическая передача.
Зажигалка — ещё хуже.
В рюкзаке лежали бумага и простой графитовый карандаш.
Карандаш они уже оставляли.
Он достал небольшой блок плотной белой бумаги.
Показал.
Орт потрогал.
Провёл пальцем по поверхности.
Ган дал карандаш.
Провёл линию.
Мужчина сразу понял.
Нарисовал короткий знак.

Потом другой.
Отдал Гану пластинку окончательно, а бумагу с карандашом оставил себе.
Обмен совершился.
Аира что-то сказала.
Орт ответил.
Оба засмеялись.
— Надеюсь, мы сейчас не продали Бункер за блокнот, — пробормотала Лара.
— Если что, сделка не нотариальная.

На бумаге Орт нарисовал три знака.
Первый напоминал волну.
Второй — угол с двумя ответвлениями.
Третий — круг, рассечённый линией.
Ган сфотографировал.
Показал на первый.
— Тар?
Орт покачал головой.
Произнёс другое слово.
Ган не успел.
Повторил.
Мужчина повторил медленнее.
Лара записала.
Потом Орт показал вдоль воды.
Первый знак связан с рекой?
Второй — показал на горный склон далеко слева.
Третий — на Гаан.
Вот это уже была система обозначений.
Письменность?
Карта?
Знаки мест?
Неясно.
Но неожиданно стало понятно другое: эти люди не просто живут вокруг Древа.
Они делят пространство на смысловые области и умеют их обозначать графически.
Возможно, перед Ганом находилась карта настолько компактная, что он пока не знал, как её читать.
Орт свернул бумагу и спрятал.
Потом хлопнул ладонью по борту лодки.
Сказал:
— Тар.
Теперь слово могло означать лодочников.
Или тех, кто пришёл по воде.
Вот почему нельзя спешить.

Дальше дорога поднялась.
Гаан становился больше.
Первый эффект масштаба оказался почти неприятным.
Пока Древо было на горизонте, сознание воспринимало его как далёкий объект и позволяло невозможный размер.
Когда они приблизились, пропорции перестали помещаться в привычную систему.

Ствол всё ещё был далеко.

Но теперь отдельные ветви выглядели шире лесных оврагов.

В кронах действительно находились сооружения.

Уже без бинокля различались платформы, крыши, переходы.

Между двумя крупными ветвями висела конструкция, похожая на мост.

Ветер двигал её едва заметно.

Лара остановилась.

— Они живут там.

Ган ничего не ответил.

Впервые это можно было сказать почти уверенно.

Слишком правильные формы.

Слишком много повторяющихся линий.

На одной платформе двигались крошечные фигурки.

Люди.

Высоко.

Очень высоко.

— Как они поднимаются?

Аира услышала голос, посмотрела на Гана.

Он указал вверх.

Потом показал пальцами движение по стволу.

Она поняла.

Показала правее.

Ган увидел длинную наклонную линию, уходящую от земли к нижней ветви.

Не лестница.

Что-то вроде дороги, опирающейся на естественные выступы коры.

В другой части ствола двигалась маленькая конструкция.

Корзина?

Платформа?

Подъёмник.

Технология.

Не индустриальная в земном смысле, но вполне развитая.

Кто-то строит мосты на высоте в сотни метров и поднимает грузы.

Слово «первобытные» окончательно потеряло любую возможность появиться в его голове.

Первое большое поселение лежало у основания Гаан.

Но «основание» тоже оказалось неправильным словом.

Корни поднимались из земли огромными стенами. Между ними существовали улицы, площади, водоёмы, сады и строения.

Само Древо создавало рельеф.

Часть домов была построена вплотную к корням.

Другие стояли отдельно.

Некоторые стены делались из светлого камня. Другие из дерева, глины, плетёных панелей.

Ни одного одинакового дома.

И всё же поселение не выглядело случайным.

Вода шла по каналам.

Дорожки соединялись.

Площадки появлялись там, где корни естественно образовывали пространство.

Ган вошёл и почти сразу потерял чувство масштаба.

Гаан находился слишком близко.

Ствол занимал половину неба.

Кора напоминала скалу.

В трещинах росли кусты.

На высоте нескольких десятков метров между складками древесины уже были устроены помещения.

Некоторые окна светились даже днём.

— Это не дерево, — тихо сказала Лара.

Ган посмотрел.

— Биологически?

— Я про ощущение.

Да.

Слишком велико для одного объекта.

Гаан был одновременно организмом, ландшафтом и архитектурой.

Как гора, на которой вырос город.

Только гора жива.

И здесь появились племена.

Не два.

Гораздо больше.

На площади возле огромного корня смешивались люди, которых даже неопытный наблюдатель различал по одежде.

Ран Аиры носили светлые ткани, часто с синими или зелёными лентами.

Люди Орта — тёмные плащи и металл.

У другой группы были длинные красновато-коричневые накидки, расшитые мелкими белыми точками.

Некоторые мужчины и женщины из ещё одной общины покрывали волосы серой глиной, превращая их почти в серебряные.

Дети бегали между всеми.

Торговали.

Спорили.

Смеялись.

Никаких отдельных резерваций.

Никакой аккуратной этнографической картинки.

Живое место смешивало людей.

Ган услышал речь и понял, что языки тоже различаются.

Не просто акценты.

Слова.

Ритм.

У Орта согласных больше, речь короткая и плотная.

Аира говорила мягче, с длинными гласными.

С другой стороны площади звучал язык, почти певучий.

— Нам понадобится год, — сказала Лара.

— Хорошо.

— Ты серьёзно?

— Да.

Он смотрел.

Впервые задача была достаточно большой, чтобы не хотелось решить её за три дня.

Их заметили быстро.

Впрочем, в одежде из другого мира раствориться среди толпы было трудно.

Люди останавливались.

Некоторые подходили.

Кто-то не обращал внимания.

Это тоже обрадовало Гана.

Не весь мир обязан бросать дела ради главного героя.

Аира провела их к длинному открытому навесу.

Там сидело около двадцати человек.

Не совет старейшин в ожидаемом виде.

Возраст разный.

Трое совсем молодых.

Несколько женщин.

Мужчины.

Один человек с костылём.

Перед ними на низкой поверхности лежали предметы: камни, куски дерева, полосы ткани, маленькие сосуды.

Люди разговаривали.

Иногда громко.

Один спор прервали только потому, что появились Ган и Лара.

Аира сказала что-то.

Начался новый шум.

Ган почувствовал себя предметом заседания, хотя понятия не имел, какое именно заседание идёт.

Высокая женщина в красной накидке подошла.

Посмотрела на них.

Потом на Аиру.

Сказала:

— Ран?

Аира ответила отрицательно.

Показала на белую дверь — точнее, в сторону леса, откуда они пришли.

Произнесла несколько слов.

Среди них Ган различил:

— Ган. Лара.

И новое:

— Эт.

Женщина повторила:

— Эт?

Аира кивнула.

Теперь все заговорили.

— Похоже, у нас появился термин, — сказала Лара.

— Для чего?

— Для нас.

— Или для двери.

— Или для идиотов из леса.

Ган с трудом удержал лицо.

Женщина в красном посмотрела на него.

Он коснулся груди.

— Ган.
Она ответила:
— Сава.
Имя.
Ган повторил.
Сава.
Она показала на свою красную одежду и на нескольких людей в таких же.
— Ор.
Новое групповое название.
Потом показала на Аиру.
— Ран.
На Орта, который уже каким-то образом оказался здесь:
— Тар.
Вот теперь стало надёжнее.
Ран.
Тар.
Ор.
Три группы.
Сава показала на остальных вокруг навеса.
Произнесла ещё два слова.
Ган не успел удержать.
Лара записала.
Племена.
Или что бы эти категории ни значили.

Разговор без общего языка оказался медленным, но совсем не бессмысленным.
Они рисовали.
Показывали.
Использовали предметы.
Ган нарисовал белую дверь.
Потом линию.
Потом маленького человечка с одной стороны и другого с другой.
Получилось ужасно.
Сава посмотрела.
Исправила человека несколькими движениями.
Стало лучше.
Лара засмеялась.
Сава тоже.
Потом женщина нарисовала Гаан.
Не как вчера Аира.
Иначе.
Три толстые ветви.
Корни.
Вокруг — пять знаков.
Те же групповые обозначения?
Она указала на один.
— Ран.
На другой.
— Тар.

На третий.
— Ор.
Остальные два назвала.
Лара повторила по записи:
— Сай. Мэ?
Сава поправила последний звук.
— Мэй.
Пять.
Ган смотрел.
Вот первоначальная структура.
Вокруг Гаан существуют по крайней мере пять именованных групп.
Пять племён?
Возможно.
Интересно, что их не четыре.
Ган почувствовал почти облегчение.
Мир отказался подчиняться его любимой архитектуре.
Очень хорошо.
Сава нарисовала от каждого знака линию к Древу.
Потом несколько линий между самими знаками.
Не все.
Некоторые связи отсутствовали.
Политика?
Родство?
Дороги?
Торговля?
Она провела пальцем по линии Ран — Тар.
Сказала слово.
Орт ответил.
Несколько человек засмеялись.
Может быть, брак.
Может, вражда.
Ничего пока.

Потом к навесу подошёл ребёнок.
Лет десяти.
В руках небольшой шар из переплетённых веток.
Он остановился возле Аиры и что-то сказал.
Она ответила.
Ребёнок посмотрел на Гана.
Протянул шар.
Ган взял.
Внутри что-то было.
Он повернул.
В щели вспыхнул зелёный свет.
Не яркий.
Живой.
Ган приблизил.
Внутри сидело маленькое насекомое.

Похоже на светляка, только свет шёл не из одной точки. Всё брюшко светилось ровно, мягко.

Ребёнок сказал слово.

Ган повторил.

Тот покачал головой.

Ещё раз.

Получилось.

Лара записала.

Ребёнок показал на насекомое.

Потом на огромный корень Гаан.

И вдруг стал серьёзным.

Слово повторил ещё раз, медленнее.

Взрослые вокруг на мгновение тоже замолчали.

Ган почувствовал перемену.

Насекомое перестало быть игрушкой.

Здесь был другой слой значения.

Ребёнок аккуратно забрал шар.

Поставил его у основания корня в маленькую нишу.

Ган увидел там ещё несколько таких же плетёных сфер.

Одни пустые.

В других мерцал свет.

Сава сказала что-то тихо.

Аира коснулась пальцами коры.

Орт — нет.

Тар стоял чуть в стороне.

Разные отношения.

Вот.

Что-то начинается.

Но сегодня глава о людях.

Не о том, что они называют живущим рядом.

Пока достаточно заметить.

Ближе к середине дня Гану стало ясно, что слово «племя» совсем не описывает увиденное.

Ран не жили отдельно.

Тар не были только лодочниками.

Ор не составляли закрытый народ.

Люди переходили между группами.

На шее у одной женщины висел знак Ран, а одежда была Тар.

Двое детей называли одну и ту же взрослую женщину одинаковым родственным словом, хотя сами носили разные групповые знаки.

На площади Сава разговаривала сразу на двух языках.

Аира понимала её без перевода.

Орт — тоже, хотя иногда отвечал на своём.

Группы существовали.

Границы были реальны.

Но они пропускали людей.

Ган вспомнил собственное желание всё классифицировать.

Пять племён.

Очень удобно.

И, скорее всего, очень неточно.

Лара тоже это заметила.

— Может, это не племена.

— Да.

— Роды?

— Возможно.

— Территориальные объединения?

— Возможно.

— Профессиональные?

— Тар частично похожи.

— Или всё сразу.

Ган посмотрел на площадь.

Человеческая идентичность редко строится по одной оси даже на Земле.

Почему здесь должно быть проще?

Можно принадлежать семье, городу, профессии, языку, школе, религии, поколению одновременно.

Чужак обычно первым видит яркую внешнюю метку и объявляет её главным определением.

Очень удобный способ неправильно понять мир.

— В книге глава всё равно называется «Племена», — сказал Ган.

Лара улыбнулась.

— Пусть это будет наше первое ошибочное слово.

— Нравится.

Название не обязано быть определением.

Может обозначать стадию понимания.

Сначала видишь племена.

Потом узнаёшь людей.

После полудня произошёл первый конфликт.

Небольшой.

Тем ценнее.

Ган стоял у канала и фотографировал устройство водосброса.

Подошёл мужчина из группы Ор.

Резко закрыл объектив ладонью.

Сказал что-то.

Тон жёсткий.

Ган сразу опустил камеру.

— Хорошо.

Мужчина не понял слово, но понял действие.

Показал на устройство.

Покачал головой.

Потом на камеру.

Снова.

Ясно.

Не снимать.

Ган убрал.

Лара подошла.

— Что случилось?

— Запретили фотографировать.
— Почему?
— Не знаю.
Мужчина позвал Саву.
Начался разговор.
Аира тоже подошла.
Несколько минут все говорили.
Ган стоял и ждал.
Очень хотелось объяснить, что камера всего лишь запись.
Но это ничего не меняло.
Если люди не хотят, чтобы объект снимали, происхождение их запрета вторично.
Сава наконец повернулась к Гану.
Указала на камеру.
Потом на площадь.
Разрешающий жест.
Показала на лица.
Тоже, похоже, можно.
На воду — можно.
На конкретный механизм — покачала головой.
Вот граница.
Ган кивнул.
Удалил последние снимки при мужчине.
Показал экран.
Тот внимательно посмотрел.
Через секунду его лицо расслабилось.
Он коснулся своей груди.
— Хэр.
Имя.
Ган повторил.
— Хэр.
Тот кивнул.
Всё.
Никакой международной драмы.
Но Ган запомнил.
Вот первый настоящий закон другого мира, который пришлось принять до понимания причины.
Очень хороший опыт.
Уважение иногда приходит раньше перевода.

Через час Хэр сам нашёл его.
Протянул маленькую деревянную деталь.
Похожую на миниатюрную версию того водосброса, который нельзя было снимать.
Ган удивился.
Хэр показал, как она поворачивается.
Внутри открывался канал.
Закрывался.
Он хотел показать принцип.
Но не объект.
Разница.

Технологию можно объяснить.

Конкретное устройство, возможно, принадлежит семье, общине или имеет другое значение.

Ган почувствовал искреннее уважение.

Он достал блокнот.

Сначала вопросительно показал.

Хэр подумал.

Кивнул.

Ган нарисовал деталь от руки.

Плохо.

Хэр забрал карандаш.

Исправил.

Вот теперь можно.

Вместо фотографии появился рисунок, сделанный с согласия владельца знания.

Очень старый способ передачи.

И внезапно более точный этически, чем цифровая камера.

К вечеру Аира повела их выше.

По широкой дороге между корнями.

Людей становилось меньше.

Дома — реже.

Гаан закрывал небо.

Близость к стволу меняла звук.

Шум поселения оставался позади, а впереди появлялся низкий непрерывный фон.

Сначала Ган подумал о воде.

Потом понял: дерево.

Внутри огромного ствола что-то звучало.

Не музыка.

Глубокий живой гул, возникающий от ветра, движения древесины, возможно, внутренних полостей.

Он положил ладонь на кору.

Вибрация.

Едва ощутимая.

Аира тоже коснулась.

Закрыла глаза.

Тэй остановился в нескольких шагах.

Он к коре не подошёл.

Опять различие.

Ган посмотрел на Аиру.

Она открыла глаза.

Сказала:

— Гаан.

Потом ещё слово.

— Эра.

И коснулась уха.

Слушать?

Голос?

Звук?

Ган повторил:

— Эра?

Она кивнула.

Коснулась коры.

— Эра Гаан.

Лара тихо сказала:

— Возможно, «голос Древа».

— Возможно.

Ган приложил ухо.

Гул стал сильнее.

В нём действительно существовали изменения.

Длинные волны.

Иногда щелчки.

Иногда звук уходил ниже слышимости и превращался в ощущение в челюсти.

Огромный живой организм.

Что ещё он должен делать?

Конечно, звучать.

Но местные слушали иначе.

Не как ботаники.

Аира стояла с закрытыми глазами.

Через некоторое время отступила.

Показала дальше.

Тропа поворачивала за корень.

И здесь они увидели четвёртую группу.

Сай.

Ган узнал знак по рисунку Савы.

Люди сидели на каменной площадке.

Их было немного.

Одежда очень простая, светло-серая. На руках — тонкие тёмные линии, нанесённые краской или татуировкой.

Никаких украшений.

При их появлении никто не поднялся.

Один человек продолжал работать с длинной полосой дерева.

Другой сидел с закрытыми глазами, спиной к стволу.

Сай выглядели настолько непохожими по поведению на шумную площадь внизу, что Ган сразу почувствовал соблазн назвать их жрецами.

Не стал.

Может, столяры.

Может, отдыхают.

Может, местная очередь к врачу.

Аира подошла к пожилому мужчине.

Сказала несколько слов.

Он посмотрел на гостей.

Долго.

Потом произнёс:

— Эт.

Вот оно снова.

Слово, которым их обозначали.

Ган показал на себя.

— Эт?
Мужчина кивнул.
Показал не на Гана лично.
Сначала в сторону белой двери, далеко за лесом.
Потом на них обоих.
— Эт.
Значит, вероятно:
пришедшие оттуда.
Чужие.
Люди двери.
Внешние.
Что-то такое.
Появилось второе надёжное понятие.
И оно не было о личности.
Их определяли по происхождению.
Логично.

Старик Сай встал.
Он оказался высоким, очень худым.
Подошёл к Гану.
Коснулся его груди в том же месте, где утром старшая женщина сказала «Ра».
— Ра?
Ган вспомнил.
— Ра.
Старик кивнул.
Потом коснулся собственной груди.
— Ра.
Лары.
— Ра.
Аиры.
— Ра.
Дальше произошло странное.
Он положил ладонь на кору Гаан.
Сказал то же слово:
— Ра.
Ган замер.
Лара тоже.
Вот.
Значение резко расширилось.
Если «Ра» — сердце, дерево тоже имеет сердце?
Если «живой» — дерево живое, естественно.
Если «дыхание» — возможно.
Если «существо» — интереснее.
Старик показал на маленькое растение у корня.
— Ра.
На светящееся насекомое в плетёной сфере.
— Ра.
Потом поднял палец к небу.
На птицу.

— Ра.
Ган почувствовал, как первое значение собирается.
Живое.
Жизнь.
Живой носитель?
Но старик вдруг ударил ладонью по камню.
Пауза.
Сказал другое слово.
Не Ра.
Различие.
Ган повторил жест.
На кору:
— Ра?
Кивок.
На камень:
— Ра?
Старик покачал головой.
Хорошо.
Пока:
Ра = живое / жизнь / имеющее жизнь.
Сильный первый настоящий абстрактный термин.
И пришёл он не из словаря.
Из сравнения.

Старик затем показал в глубину леса.
Произнёс ещё одно слово.
Никто из сопровождающих не засмеялся.
Аира опустила глаза.
Тэй оглянулся.
Даже Лара заметила перемену.
— Записала?
— Да.
Слово звучало примерно как:
Лэйн.
Старик повторил.
Показал на лес.
Потом на маленький родник между корнями.
На пустое пространство под нависающей ветвью.
Каждый раз:
— Лэйн.
Ган не понимал.
Место?
Тень?
Чужой?
Он показал на Гаан.
Старик покачал головой.
На себя.
Покачал.
На Аиру.

Нет.
Потом снова на родник.
— Лэйн.
Аира тихо произнесла другое выражение, в котором это слово стояло вторым.
Что бы ни было Лэйн, оно не относилось к племенам.
И всё же люди здесь учитывали его присутствие.
Глава двадцать семь уже стояла где-то рядом.
Местные Духи.
Но слово «дух» было нашим.
Слишком ранним.
Сейчас достаточно запомнить **Лэйн**.
Не переводить.

На обратной дороге они почти попали под ветку.
Это произошло быстро.
Аира вдруг остановилась.
Без причины.
Просто подняла ладонь.
Все встали.
Ган уже хотел спросить, что случилось.
Она смотрела на небольшой ствол справа.
Не на Гаан.
Обычное лесное дерево.
Несколько секунд.
Тишина.
Потом над тропой раздался сухой треск.
Толстая ветка сорвалась и ударила землю метрах в восьми впереди.
Точно там, где они были бы, если бы продолжали идти прежним шагом.
Ган почувствовал сильный выброс адреналина.
Лара выругалась.
Аира спокойно подошла к дереву.
Коснулась коры.
Сказала:
— Лэйн.
Вот.
Ган смотрел.
Совпадение?
Она могла услышать треск раньше.
Увидеть напряжение.
Знать лес.
Самый простой вариант.
Но то, как остальные отреагировали, было интересно.
Тэй коснулся груди.
Сказал короткую фразу.
Аира ответила.
Они не выглядели испуганными.
Скорее благодарными.
Или уважительными.
Ган подошёл к месту падения.

Посмотрел на излом.
Сухая древесина.
Ветка давно повреждена.
Перед падением почти наверняка трещала.
Аира могла услышать.
Очень хороший слух.
Опыт.
Всё.
Пока.
Но слово Лэйн снова прозвучало.
Теперь рядом с событием.
Ган записал время.
И ничего больше.

До белой двери добрались уже в сумерках.
Андрей ждал у поляны.
Не через камеру.
Сам вышел на эту сторону и стоял у ручья.
— Вы живы.
— Как видишь.
— Связь пропала на сорок семь минут.
Ган остановился.
— У нас работала.
— Между вами.
— С Бункером?
— Пропала после второго корня.
Лара проверила лог.
Действительно.
Они не заметили.
Рации продолжали связывать Гана и Лару напрямую, но ретранслятор Бункера потерял их.
— Почему не пошёл искать? — спросил Ган.
— Потому что правило — ждать до заранее согласованного времени, если нет аварийного сигнала.
Ган улыбнулся.
— Очень зрелый человек.
— Я страдал.
— Это слышно.
Они вернулись.
Белая дверь закрылась.
Холодный воздух Бункера показался почти стерильным после местного леса.
И тишина здесь была другой.
Мёртвой?
Нет.
Механической.
Вентиляция.
Насос.
Электричество.
Привычный мир.

Разбор занял четыре часа.

И оказался интереснее многих путешествий.

Пять групповых обозначений.

Ран.

Тар.

Ор.

Сай.

Мэй.

Последнюю они сегодня не встретили.

Их отношения неизвестны.

Слово Эт, вероятно, обозначает людей, пришедших через неизвестную им сторону или из-за двери.

Гаан — точно связано с огромным Древом.

Ра с высокой вероятностью относится к живому.

Лэйн — неизвестно.

Ган намеренно оставил так.

Без «дух».

Без «местная сущность».

Просто слово.

Потом они разобрали рисунок Савы.

И обнаружили то, что на месте упустили.

Пять групповых знаков располагались вокруг Древа.

Но линии к Гаан были разными.

Ран соединяла линия к нижней части ствола.

Тар — к одному из водных корней.

Ор — к земле между корнями.

Сай — вверх, к кроне.

Мэй — линия уходила ниже основания.

Под землю?

Ган почувствовал интерес.

Племена могли отличаться не территорией вообще.

Каждое связано с определённой частью Гаан.

Вода.

Земля.

Ствол.

Крона.

Глубина.

Но это пока всего один рисунок.

— Очень красиво складывается, — сказала Лара.

— Поэтому завтра будем особенно подозрительными.

Она улыбнулась.

— Учишься.

Тёмную пластинку Орта исследовали последней.

Материал оказался неожиданным.

Не стекло.

Не металл.

Высокоуглеродистая органоминеральная структура с кристаллическими включениями.

Ган нахмурился.

— Дерево?

Андрей посмотрел спектр.

— Возможно, минерализованная древесина.

— Окаменевшая?

— Частично.

— Золотистые линии?

— Соединения металлов.

— Они её делают?

— Или добывают.

Ган вспомнил лодку.

Она была из похожего материала.

Если местные умеют контролируемо минерализовать дерево, их технология устроена совсем иначе, чем земная промышленная логика.

Материал выращивается?

Выдерживается?

Обрабатывается грибами?

Минеральными растворами?

Неизвестно.

Вот почему слово «племя» становилось всё смешнее.

Человечество привыкло связывать внешний вид одежды и отсутствие машин с уровнем развития.

Очень ненадёжный критерий.

Народ, строящий гигантские подвесные поселения на живом Древе и использующий сложные композитные материалы, может просто не нуждаться в автомобилях.

Технология отвечает среде.

Не школьной лестнице «от примитивного к высокому».

Ган записал:

Не оценивать уровень культуры по сходству с нашей техникой.

И сразу усмехнулся.

Ратнер опять сидел у него в голове.

Хорошо.

Иногда Учитель остаётся полезным после ухода.

Главное — не спрашивать у внутреннего Ратнера, что делать с ужином.

Книгу они открыли после полуночи.

На странице второй части появился текст.

Глава 2. Племена.

Ган читал медленно.

Книга опять сделала поселение красивее.

Больше красок.

Меньше путаницы в словах.

Сократила час языковых ошибок до нескольких ясных сцен.

Превратила Савин рисунок почти в карту.

Ган остановился.

— Вот здесь опасно.

— Что?

— В книге линии уже названы путями пяти племён к разным уровням Древа.

— А мы этого не знаем.

— Именно.

Он записал:

Факт: Сава связала пять групповых знаков с разными областями рисунка Гаан. Значение линий не установлено.

Дальше книга описала падение ветки.

И, разумеется, написала:

«Лес предупредил Аиру».

Ган закрыл глаза.

— Нет.

Лара засмеялась.

— Ратнер уже кричит из Москвы.

— Очень громко.

Он зачеркнул фразу в своей копии.

Написал:

Аира остановилась за несколько секунд до падения ветки. Возможная причина — звук или визуальные признаки разрушения, которых мы не заметили. После падения она произнесла слово «Лэйн».

— Скучно, — сказала Лара.

— Прекрасно.

— А если Лэйн и правда предупредил?

Ган посмотрел.

— Тогда завтра у него будет ещё один шанс.

Она улыбнулась.

Вот правильное отношение.

Не исключать.

Не утверждать.

Смотреть.

Последняя часть главы в книге оказалась неожиданно хорошей.

Система почти не философствовала.

Ган стоял на площади среди множества людей и вдруг понимал, что слово «племена» рассказывает больше о нём, чем о них.

Он пришёл с готовой категорией.

Мир оказался сложнее.

Книга написала:

«Чужой народ сначала всегда выглядит проще, чем свой, потому что собственные различия человек знает изнутри, а чужие видит по одежде».

Ган перечитал.

— Вот это оставлю.

Лара кивнула.

— Хорошая.

Дальше:

«Через несколько часов он уже различал Аиру, Орта, Саву, Хэра и Тэя раньше, чем их принадлежность. Племена начали превращаться в людей».

Ган молчал.

Тоже точно.

Вот зачем глава.

Не перечислить пять народов.

Изменить масштаб восприятия.

В начале они были «местные».
Потом «Ран», «Тар», «Ор».
К вечеру — конкретные лица.
Сава рисует лучше Гана.
Хэр не разрешает фотографировать свою работу, но сам показывает принцип.
Орт любит удачный обмен.
Тэй смеётся чаще, чем говорит.
Аира слышит лес раньше остальных.
Когда появляются люди, категории не исчезают.
Просто перестают занимать всё поле.
Он закрыл книгу.

Перед сном пришёл Андрей.
В руках наушники.
— Послушайте.
— Что?
— Вашу запись возле Сай.
Он включил участок, где старик произносил «Лэйн».
Сначала обычные голоса.
Шорох.
Ветер.
Потом слово:
— Лэйн.
Андрей увеличил фон.
Там что-то было.
Очень тихий звук.
Похожий на шёпот?
Ган напрягся.
— Ещё.
Андрей повторил.
На фоне действительно слышалась структура, напоминающая человеческий голос.
Два-три слога.
Но рядом говорили люди.
Отражение звука от корня.
Шорох листьев.
Артефакт компрессии.
Всё возможно.
— Где именно?
— За секунду до того, как старик показывает на родник.
Лара надела наушники.
Слушала.
— Есть.
— Что говорит?
— Ничего не понимаю.
Андрей открыл второй фрагмент.
Перед падением ветки.
Тот же частотный рисунок.
Не такой же звук.
Похожий спектр.

— Вот это уже интересно, — сказал Ган.

— Да.

— Но два совпадения ничего не дают.

— Именно.

Андрей улыбнулся.

— Завтра?

Ган посмотрел на название следующей главы, которое знал ещё до всех этих событий.

Местные Духи.

И впервые оно показалось ему слишком поспешным.

Может быть, там нет никаких духов.

Может быть, Лэйн — система природных предупреждений, которую местные научились слышать.

Может быть, название «дух» окажется нашей грубой попыткой перевести понятие, которому в русском вообще нет точного слова.

Это было даже интереснее.

— Завтра узнаем, что они сами называют Лэйн.

— Если сумеем спросить.

— Если сумеем понять ответ.

Лара выключила запись.

В комнате стало тихо.

За белой дверью была другая ночь.

Где-то в ней пять человеческих групп жили вокруг огромного Древа, торговали, спорили, растили детей, строили дома, запрещали чужакам фотографировать некоторые вещи и оставляли светящихся насекомых у корней.

Они не ждали Гана.

Это было, пожалуй, самое прекрасное открытие дня.

Мир существовал без него.

Завтра ему предстояло научиться замечать тех, кого местные, возможно, вообще не отделяли от этого мира так, как отделил бы он.

Часть II. ДРЕВО
Глава 3. Местные Духи

«Природа любит скрываться».

Гераклит

Утром первым заговорил родник.

Не человек возле него, не прибор, не запись, оставленная системой. Вода.

Ган понял это только потому, что Андрей всю ночь не спал и успел наложить друг на друга два фрагмента звука: тот, что был записан возле площадки Сай, когда старик впервые произнёс слово **Лэйн**, и второй — за несколько секунд до падения ветки.

На экране лежали две спектрограммы.

Ган ничего в них не увидел.

— Вот здесь, — Андрей провёл пальцем по тонкому светлому следу. — И здесь.

— Похожи.

— Очень приблизительно.

— Частота?

— Основная разная. Но структура импульсов повторяется.

Лара вошла с кружкой.

— Что повторяется?

— Пока не знаю.

— Хорошее начало.

Андрей увеличил первый фрагмент.

Послышалась вода.

Обычный ручей, журчание по камням, голоса людей далеко справа.

Потом — странный короткий звук. Он действительно напоминал шёпот, но только если слушатель заранее ожидал шёпот. Если ожидать птицу, легко услышать птицу. Если представить трение ветвей — получится трение ветвей.

Ган прикрыл глаза.

— Ещё раз.

Повторили.

Теперь он услышал не голос, а три быстро меняющихся тона, словно вода на секунду попала в полость и сама сыграла маленькую фразу.

— А перед веткой?

Другой файл.

Листья.

Шаги.

Голос Аиры.

Потом высокий щелчок.

Следом два более низких.

Через несколько секунд она останавливается.

Ветка падает.

— Это вообще разные звуки.

— Конечно, — сказал Андрей. — Я не говорю, что источник один.

— Тогда что совпадает?

— Отношение интервалов.

Ган посмотрел.

Вот это уже было опасно интересно.

Андрей продолжил:

— Не абсолютная частота. Переходы. Три компонента меняются примерно в одной пропорции.

— Примерно насколько?

— Настолько примерно, что я бы не показывал это на конференции.

— А мне?

— Тебя конференция уже не спасёт.

Лара усмехнулась.

На третьем экране Андрей открыл ещё несколько записей предыдущего дня.

Возле коры Гаан.

У канала.

На площади.

В лесу.

— Я прогнал фоновый звук по тем же признакам. Похожие короткие последовательности есть в десятках мест.

— Значит, ничего особенного.

— Возможно.

— А возле тех мест, где местные говорили «Лэйн»?

Андрей посмотрел на него.

— Там чаще.

Тишина.

Не драматическая.

Рабочая.

Ган придвинул стул.

— Насколько чаще?

— Примерно в пять раз.

Вот теперь стало интересно по-настоящему.

— Выборка?

— Смешная.

— Сколько?

— Девять отмеченных эпизодов. И около сорока фоновых участков.

Ган кивнул.

Мало.

Но достаточно, чтобы не выбрасывать наблюдение.

— Может быть, они называют Лэйн именно места с определённой акустикой.

— Может.

— Вода, полости в корнях, ветер, напряжённая древесина.

— Да.

Лара отпила кофе.

— Или они слышат сочетания, которые мы пока не выделяем, и используют слово для явлений разных типов.

— Тоже.

Ган смотрел на волны.

Вчера слово уже начало обрастать русскими категориями.

Дух.

Местный дух.

Дух леса.

Дух воды.

Очень удобно.

И, возможно, совершенно неверно.

Он вспомнил старика Сай, который показывал на родник, пустое пространство под ветвью, участок леса. Ни разу не указал на человекаобразную фигуру, амулет или изображение.

Может быть, **Лэйн** вообще не был существительным в их смысле.

Может быть, означал: «здесь происходит».

Или: «слушай».

Или: «опасное место».

Или: «место, которое отвечает».

Ган почувствовал удовольствие.

Хорошо.

Сегодня им предстояло не найти духов.

Сегодня им предстояло узнать, что именно местные замечают там, где произносят это слово.

Аира пришла к двери одна.

Это тоже было новым.

Она стояла возле камеры, ждала, пока белая створка откроется, и держала в руках длинную тонкую ветвь с несколькими маленькими листьями.

Когда Ган вышел, она протянула её ему.

Не подарок.

Сразу показала, как держать.

Один конец перед собой, другой чуть в сторону.

Лара вышла следом.

— Что это?

Ган пожал плечами.

Аира показала на лес.

Потом несколько раз слегка ударила ветвью по траве.

— Может, от насекомых.

— Или трость.

— Или сегодня нас посвящают.

— Не говори так.

Она улыбнулась.

Тэй появился позже, уже на тропе. Увидел ветвь в руках Гана и засмеялся так громко, что тот остановился.

— Значит, точно не посвящение.

Аира что-то резко ответила Тэю.

Он перестал смеяться, но улыбка осталась.

Потом взял похожую ветку сам.

Провёл ею над землёй.

Когда они подошли к месту, где вчера упала сухая ветвь, Аира замедлилась.

Не остановилась полностью.

Только приподняла свою палку.

Ган заметил: листья на тонком конце едва дрожат.

Ветра почти нет.

Она держит свободно.

Не ищет воду, как лозоходец.

Скорее слушает через неё?

Аира приложила ветку к коре дерева.

Подержала.

Потом передала Гану.
Он повторил.
Через дерево в палку действительно шла слабая вибрация.
Обычная механика.
Высокий ствол двигался от ветра наверху, хотя внизу воздух почти стоял.
Если знать лес, по такой вибрации можно почувствовать напряжение древесины.
Ган посмотрел на место излома.
Вот почему Аира вчера остановилась раньше него.
Не магия.
Она могла услышать или почувствовать дерево.
Он уже почти решил, что разгадал первый Лэйн.
И именно поэтому остановился.
Один случай.
Не надо превращать удачное объяснение в универсальный ключ.
Аира увидела его интерес.
Коснулась дерева.
— Лэйн.
Ган показал на ветку.
— Лэйн?
Она покачала головой.
На дерево?
Он показал.
Она снова покачала.
На сломанную ветвь?
Нет.
Тогда Аира коснулась сначала ствола.
Потом земли.
Потом подняла ветвь в воздух.
Потом приложила пальцы к собственной груди.
И сказала:
— Лэйн.
Ган замер.
— Всё вместе?
Лара наблюдала.
Аира повторила последовательность.
Дерево.
Земля.
Воздух.
Грудь.
— Лэйн.
Не объект.
Связь?
Состояние?
Отклик?
Ган поднял ветку, повторил её движения и вопросительно посмотрел.
Аира улыбнулась.
Покачала головой.
Потом взяла его руку и положила ладонь на ствол.
Другой рукой коснулась его плеча.

Сама закрыла глаза.
Тэй перестал улыбаться.
Он тоже смотрел серьёзно.
Несколько секунд ничего.
Только кора под ладонью.
Шершавая.
Тёплая с одной стороны от солнца.
Едва заметная вибрация.
Потом где-то высоко щёлкнула ветвь.
Аира открыла глаза.
— Лэйн.
Вот.
Она не показывала ему «духа».
Она показывала способ быть в контакте с местом.
Но что именно слово означало — пока неизвестно.

В поселение они сегодня не пошли.
Аира повела их в другую сторону.
Тропа отходила от дороги к Гаан и почти сразу стала уже. Здесь не было ирригационных каналов и домов. Лес становился влажнее. Почва мягче. Между корнями скапливалась вода.
Через полчаса появилась низкая долина.
В центре — родник.
Не тот, который они видели вчера.
Этот выходил прямо из-под скалы.
Вода не бурлила.
Тонкий прозрачный поток стекал по тёмному камню и собирался в круглом углублении.
Вокруг росли растения с широкими серебристыми листьями.
И было очень тихо.
Ган заметил тишину сразу.
Насекомые есть.
Ветер в кронах.
Вода.
Но птиц не слышно.
Тэй остался на краю долины.
Аира пошла дальше одна.
Ган и Лара остановились.
Она показала:
ждать.
Хорошо.
Аира подошла к воде.
Не поклонилась.
Не складывала руки.
Никакого ритуала в том виде, которого ждал бы наблюдатель.
Она просто села на камень.
Сняла обувь.
Опустила ступни в воду.
И сидела.
Минуты три.
Потом повернулась и позвала их жестом.

Ган подошёл.
Лара рядом.
Аира указала на воду.
— Лэйн.
Потом на родник.
— Лэйн.
Ган вопросительно показал на саму воду.
Аира покачала головой.
Вот.
Не вода.
На камень.
Нет.
На растения.
Нет.
Она вдруг засмеялась от его перебора.
Потом ладонью провела кругом вокруг всей долины.
— Лэйн.
Место?
Ган показал на долину целиком.
Она задумалась.
Кивнула.
Но не совсем удовлетворённо.
Затем коснулась воды кончиками пальцев.
Поднесла их к уху.
Словно слушает.
Ган тоже.
Вода звучала тонко.
Под скалой явно была полость. Иногда поток менял тон.
Лара вынула рекордер.
Аира не возражала.
Поставили микрофон.
Сразу обнаружился тот же тип трёхчастной структуры, который Андрей нашёл ночью.
Но здесь она повторялась почти регулярно.
Не идеально.
Вода проходила через несколько полостей, создавая последовательность тонов.
Ган улыбнулся.
— Вот наш шёпот.
Лара кивнула.
— Похоже.
Он почувствовал почти разочарование.
И тут Аира резко подняла руку.
Тишина.
Вода продолжала.
Один цикл.
Второй.
Третий.
На четвёртом средний тон изменился.
Едва заметно.
Аира встала.

Отступила от воды.

Позвала их.

Тэй уже шёл вниз, быстро.

— Что?

Конечно, она не поняла.

Аира показала вверх по склону.

Ган увидел ничего.

Секунд через двадцать вода помутнела.

Сначала слегка.

Потом в поток пришла тонкая струя глины.

Ещё через минуту сверху донёсся тяжёлый шум.

Не рядом.

Где-то далеко прошёл небольшой обвал или сдвиг земли.

Вода поднялась на несколько сантиметров.

Потом успокоилась.

Ган смотрел.

Аира услышала изменение в резонансе до того, как пришла мутная вода.

Гидрология.

Подземный поток сообщил раньше поверхности.

Лэйн?

Если местные поколениями слушают такие места, они могли научиться считывать события задолго до приборов.

Не «дух родника предупредил».

Родник действительно предупредил — физически.

И всё же язык, которым они описывали это, мог быть совсем другим.

Аира коснулась груди.

Потом воды.

Сказала:

— Лэйн.

Тэй ответил ей длинной фразой.

В ней то же слово прозвучало дважды.

Ган ничего не понимал.

Но впервые почувствовал, что перевод «дух» может быть одновременно неправильным и удивительно точным.

Если под духом понимать не невидимого человечка внутри источника, а **индивидуальный способ места проявлять себя**, слово начинало работать.

Но это уже его интерпретация.

Местные пока такого не сказали.

Они провели у родника почти два часа.

Не потому, что произошло ещё что-то необычное.

Наоборот.

Ничего.

Вода вернулась к прозрачности.

Аира собирала серебристые листья.

Тэй сплёл из своей ветки кольцо и бросал его вверх, пытаясь зацепить сучок.

Лара брала пробы.

Ган сидел и наблюдал.

Это было полезно.

Если бы они ушли сразу после предупреждения об обвале, вся сцена стала бы идеальной легендой.

«Дух родника предупредил».

Жизнь добавила Тэя, который пять раз промахнулся кольцом и на шестой получил им по голове.

Аира смеялась.

Лэйн никак не мешал людям быть обычными.

Ган подумал: возможно, главная ошибка чужака — ожидать, что священное пространство должно постоянно выглядеть священным.

На Земле люди тоже едят рядом с храмами.

Дети бегают вокруг могил.

Река остаётся рекой после молитвы.

Если для местных Лэйн — часть обычной картины мира, они не обязаны каждый раз менять лицо при его упоминании.

На обратном пути Аира неожиданно свернула к маленькой поляне.

Там лежал поваленный ствол.

На нём стояли пять плоских камней.

Не алтарь в привычном смысле.

Камни использовались.

На одном сушились травы.

На другом лежали две деревянные чашки.

Третий был пуст.

Четвёртый покрыт мелкими насечками.

Пятый служил сиденьем.

Возле ствола работала женщина Ран, которую они ещё не знали.

Она резала корень на тонкие полоски.

Увидев чужих, кивнула и продолжила.

Аира что-то спросила.

Женщина ответила.

Потом указала в сторону кустов.

— Лэйн.

Ган уже не удивился.

Что на этот раз?

Они подошли.

Ничего.

Обычная густая зелень.

Аира остановила Гана, когда он хотел пройти ближе.

Показала на землю.

Там едва заметная дорожка.

Не человеческая.

Мелкие следы.

Трёхпалые.

Животное.

Аира тихо произнесла звук.

Из кустов ответил похожий.

Ган замер.

Ещё один.

Ближе.

Потом листья раздвинулись.

Вышло животное размером с небольшую собаку.

Длинное тело.

Шесть?

Нет.

Четыре ноги.

Передние короткие.

Задние сильные.

Голова вытянутая, уши почти отсутствуют. По спине светлая полоса.

Животное остановилось.

Смотрело.

Аира не двигалась.

Женщина у ствола продолжала резать корень.

Тэй вообще сел на камень.

То есть опасности нет.

Животное подошло к пустому пятому? Actually one empty stone maybe third. Let's keep consistent: к пустому камню. Обнюхало.

Аира положила туда несколько собранных ягод.

Не из руки.

На камень.

Животное съело одну.

Потом ушло.

Ган тихо спросил:

— Это Лэйн?

Аира поняла только слово.

Покачала головой.

Хорошо.

Животное не Лэйн.

Она показала на следы.

На кусты.

На направление, откуда оно вышло.

Потом рукой описала пространство между поляной и лесом.

— Лэйн.

Опять.

Не существо.

То, что связывает появление существа с местом?

Тропа?

Территория?

Присутствие?

Ган начал чувствовать слово, хотя ещё не мог перевести.

Это было почти как новый музыкальный лад: сначала отдельные ноты кажутся чужими, потом отношения между ними становятся узнаваемыми раньше, чем теория.

В поселении Сай старик ждал их.

Никто его не звал при них.

Но он сидел у того же камня возле корня Гаан, будто знал, что они придут.

Можно превратить в мистику.

Можно вспомнить, что между поселениями наверняка есть посыльные и видимые тропы.

Ган выбрал пока второе.

Старик назывался **Эн**.
Это выяснили сегодня.
Он коснулся груди.
— Эн.
Ган повторил.
Потом показал на себя.
— Ган.
Старик кивнул, будто это уже знал.
Перед ним лежала дощечка.
На ней три рисунка.
Родник.
Дерево.
Что-то похожее на птицу.
И возле каждого маленький знак.
Один и тот же.
Две короткие линии, между ними точка.
Эн показал на знак.
— Лэйн.
Вот.
Графическое обозначение.
Ган сел рядом.
Старик нарисовал ещё.
Камень.
Без знака.
Человек.
Без знака.
Дом.
Без знака.
Потом ручей, который изгибался между двумя скалами.
Поставил знак.
— Лэйн.
Пустая поляна с одним кругом.
Знак.
— Лэйн.
Ган начал понимать.
Показал на любое дерево рядом.
— Лэйн?
Эн покачал головой.
На конкретный огромный корень Гаан?
Старик подумал.
Произнёс другое слово.
Не Лэйн.
Хорошо.
Лэйн не равно «дух всякого дерева».
Он нарисовал две одинаковые чаши.
Одну оставил пустой.
Во вторую поместил знак.
Показал на первую.
Сказал слово, которое Ган не запомнил.

На вторую:
— Лэйн.
Лара сидела рядом и записывала.
— Может быть, «присутствие»?
Ган тихо:
— Возможно.
Эн услышал незнакомый русский разговор.
Показал на Гана.
Потом неожиданно закрыл ладонью ему глаза.
Ган напрягся.
Не отдёрнулся.
Старик произнёс:
— Лэйн.
Потом убрал руку.
Показал на ухо Гана.
Снова:
— Лэйн.
Потом на ладонь.
На нос.
На грудь.
Каждый раз слово звучало в другой короткой фразе.
Не сам орган.
Скорее способ воспринимать?
Ган почувствовал, что находится рядом с пониманием и всё равно не может взять.
Эн вздохнул.
Встал.
Подозвал мальчика лет двенадцати.
Что-то сказал.
Мальчик убежал.
Через минуту принёс две небольшие чаши.
В одной вода.
Во второй — вода с каким-то растёртым листом, дающим резкий запах.
Эн поставил обе перед Ганом.
Закрыл ему глаза.
Подвинул одну.
Ган почувствовал запах травы.
Старик спросил что-то.
Ган показал на первую.
Эн открыл глаза.
Улыбнулся.
Потом поменял чаши местами.
Теперь Ган видел.
Эн снова спрашивает.
Что?
Ган не понимает.
Старик ткнул пальцем себе в нос.
Потом в чашу.
Потом между ними.
— Лэйн.

Ган замер.
Между.
Вот.
Не запах.
Не нос.
Не чаша.
Отношение, через которое одно становится доступно другому.
Но это слишком абстрактно.
Он вспомнил родник.
Вода меняет звук — человек слышит изменение.
Дерево вибрирует — Аира чувствует напряжение.
Следы ведут к животному.
Место и живое существо входят в связь.
Лэйн возникает там, где место **сообщает себя** через что-то воспринимаемое.
Ган показал на чашу.
На нос.
Провёл пальцем между.
— Лэйн?
Старик засмеялся.
Кивнул.
Потом ткнул Гана в грудь.
Указал на Гаан.
Провёл рукой между ними.
— Лэйн.
Ган почувствовал мурашки.
Вот это уже шире.
Связь восприятия между живым и местом.
Но почему тогда один знак ставят только у некоторых мест?
Значит, не всякая связь.
Есть места, где связь выражена особенно.
Или места сами активно «отвечают».
Эн снова нарисовал родник.
Рядом человека.
Между ними знак.
Потом рядом вторую картинку: тот же человек возле обычной стены.
Без знака.
Вот.
Ган начал смеяться.
Старик тоже.
Кажется, они впервые действительно поняли друг друга.
Не слово целиком.
Контур значения.
Лэйн — это не «дух» как отдельная сущность.
Скорее **живое отношение места и воспринимающего**, в котором место проявляет характер, предупреждение, присутствие или ответ.
Но Ган не спешил переводить.
Пусть слово останется Лэйн ещё несколько глав.

Потом Эн всё испортил.

Именно так Ган подумал сначала.
Старик нарисовал человека.
Рядом пустое пространство.
Поставил знак Лэйн.
Затем человека зачеркнул.
Знак оставил.
Ган нахмурился.
Если Лэйн — отношение, почему знак остаётся без наблюдателя?
Он показал.
Эн понял вопрос.
Постучал пальцем по рисунку.
Потом нарисовал птицу.
Потом животное.
Потом дерево.
Все вокруг того же знака.
Ага.
Не конкретный человек создаёт Лэйн.
Лэйн существует как свойство отношений места с живыми существами вообще.
Потом Эн зачеркнул и птицу, и животное.
Оставил дерево.
Лэйн остался.
Ган смотрел.
Лара тоже.
Эн зачеркнул дерево.
Знак остался один.
Тишина.
Вот теперь стало странно.
— Он говорит, что оно существует само, — прошептала Лара.
Возможно.
Эн коснулся знака.
Потом указал на пустое пространство возле них.
Не на объект.
На воздух.
— Лэйн.
Ган не почувствовал ничего.
Ни вибрации.
Ни звука.
Только обычное пространство.
Старик улыбнулся.
Будто именно это и ожидал.
Потом показал на собственное ухо.
На глаза.
На грудь.
Покачал головой.
Не всякий слышит?
Или не сейчас?
Он взял маленький камешек.
Бросил в пустое место.
Камень упал.

Ничего.

Эн пожал плечами.

И засмеялся.

Ган тоже.

Вот за что он начинал любить этого старика.

Тот не устраивал театральной демонстрации.

Лэйн не обязан показываться чужаку по запросу.

Может быть, потому что никакой отдельной сущности и нет.

А может, потому что мир не лабораторная собака.

Оба варианта пока живы.

Сай предложили им еду.

Сегодня Лара согласилась взять маленькую порцию после того, как местные ели то же самое.

Не из слепого доверия.

У них был химический анализатор в рюкзаке.

Ган почувствовал лёгкую иронию сцены: древовидное поселение, «местные духи», а между ними человек прячет в ладони современный сенсор.

Пища оказалась безопасной по основным параметрам.

Тёплая лепёшка из корня или зерна.

Кисловатая паста.

Несколько жареных семян.

Ган попробовал.

Очень вкусно.

Эн внимательно смотрел.

— Ра? — спросил он.

Ган не понял.

Старик показал на еду.

На Гана.

На грудь.

— Ра.

Живое питает живое?

Или «хорошо»?

Ган улыбнулся.

Показал большой палец.

Эн посмотрел на палец с подозрением.

Потом повторил жест.

Все вокруг засмеялись.

Ган понял, что только что передал маленький земной знак.

Вот так культуры прорастают друг в друга.

Не великими манифестами.

Пальцем за обедом.

После еды Эн повёл их к месту, куда Аира вчера не ходила.

Тропа поднималась по корню Гаан.

Сначала полого.

Потом круче.

В коре были вырезаны ступени, но местами они выглядели не вырубленными, а естественно выросшими.

Ган не мог понять.

На высоте метров двадцати открылся вид на поселение.

Люди внизу стали маленькими.

Ещё выше — платформа.

На ней никого.

Эн остановился.

Показал им молчать.

Не жестом «тайна».

Просто палец к губам.

Ган вспомнил зеркало и едва не улыбнулся.

Но старик уже сидел.

Спиной к стволу.

Аира села тоже.

Тэй остался ниже.

Лара и Ган расположились на краю платформы.

Ветер здесь был сильнее.

Гаан звучал.

Теперь это был не низкий гул.

Внутри древесины проходили длинные колебания, разные по высоте. Иногда они складывались в почти музыкальный интервал.

Ган почувствовал звук грудью.

Эн закрыл глаза.

Минут пять ничего.

Потом один из глубоких тонов изменился.

Аира открыла глаза.

Эн — нет.

Через несколько секунд ветер наверху сменил направление.

Ветви всей кроны начали двигаться иначе.

Вот.

Опять.

Звук внутри ствола изменился раньше, чем ветер дошёл до уровня платформы.

Древо передавало движение сверху вниз быстрее, чем человек ощущал воздух.

Местные могли считывать погоду по телу дерева.

Очень практично.

И очень красиво.

Ган уже почти улыбнулся своей гипотезе, когда Эн вдруг поднял руку и указал в противоположную сторону.

Не на ветер.

На далёкий склон.

Там ничего.

Через минуту над деревьями взлетела большая стая птиц.

Сотни.

Они поднялись из леса далеко от Гаан и пошли кругом.

Аира сказала:

— Лэйн.

Ган смотрел.

Что вызвало птиц?

Животное?

Люди?

Звук?

Погодное изменение?

Местные могли услышать что-то через структуру Гаан?

Если корни уходят на километры, дерево действительно способно передавать вибрации из огромной области.

Слоны на Земле чувствуют низкочастотные колебания почвы. Деревья передают механические сигналы. Подземные грибные сети связывают растения химически.

Нет нужды сразу вводить сверхъестественное.

Но слово «Лэйн» снова точно появилось в месте, где один участок мира сообщил о другом раньше, чем Ган понял причину.

Возможно, местные называли духом то, что земная наука разрезала бы на акустику, механику, биологию, поведение и экологические связи.

Ган почувствовал уважение к их языку.

Не потому, что он «древнее» или «мудрее».

Потому что он удерживал целое там, где его собственный язык автоматически раскладывал по дисциплинам.

Лэйн мог быть не объектом.

Событием связанности.

Он ещё не произнёс это вслух.

Слишком красиво.

Пусть проверится.

Когда они спустились, Эн сделал неожиданный подарок.

Не амулет.

Не священный камень.

Небольшую деревянную трубку.

Внутри — тонкая мембрана.

Он показал: приложить одним концом к коре.

Другой — к уху.

Примитивный стетоскоп.

Ган чуть не рассмеялся от счастья.

Вот вам «шаманская магия».

Инструмент для слушания древесины.

Он приложил.

Звук Гаан стал в несколько раз яснее.

Глубокие частоты.

Треск волокон.

Дальний стук.

Пульсирующие серии.

Живой огромный организм.

Эн сказал:

— Лэйн.

Ган повторил.

Теперь слово звучало иначе.

Не «дух в дереве».

Не «голос дерева».

Скорее умение слышать, как система сообщает о себе.

И всё же старик оставлял знак Лэйн даже без наблюдателя.

Значит, для них связь существует независимо от того, услышал её человек или нет.

С этим Ган вполне мог согласиться даже как исследователь.
Мир постоянно полон отношений, которые никем не замечены.
Вода всё равно меняет давление до обвала.
Дерево всё равно передаёт напряжение.
Животные всё равно реагируют.
То, что человек не слышит, не означает отсутствия связи.

На пути к белой двери Аира попросила их остановиться возле совершенно непримечательного участка.
Ни родника.
Ни огромного дерева.
Ни следов.
Низкая трава.
Три камня.
Она сказала:
— Лэйн.
Ган посмотрел.
Вот теперь ничего.
Никакого очевидного механизма.
Аира села на корточки.
Положила ладонь на землю.
Ган повторил.
Тихо.
Ждал вибрации.
Нет.
Лара достала сенсор.
Магнитное поле — чуть выше фонового, но ничего экстремального.
Температура почвы на два градуса ниже вокруг.
Влажность выше.
Можно объяснить тенью корней.
Аира закрыла глаза.
Через минуту поднялась.
Коснулась груди.
Сказала короткую фразу.
Ган не понял.
Они уже собирались идти, когда из земли рядом с камнями поднялся пар.
Очень слабый.
Белая нить.
Потом ещё.
Тёплый источник?
Но почва была холоднее.
Лара присела.
— Запах.
Ган почувствовал.
Минеральный.
Сера?
Очень слабая.
Из трещины под камнем шёл газ.
Аира знала.

По температуре?
Запаху?
Влажности?
Растениям?
Ган не заметил до появления пара.
Она заметила.
Снова Лэйн.
Место проявляет себя через множество малых признаков, которые опытный человек читает как единый характер.
Может быть, всё именно так.
И всё-таки в момент, когда они ушли на пять шагов, прибор магнитного поля коротко дал скачок.
Один.
Потом вернулся.
Лара посмотрела на экран.
— Видел?
— Да.
— Артефакт?
— Возможно.
Проверили.
Второго всплеска нет.
Записали.
Ничего больше.
Хорошо.
Пусть останется.
Мир не обязан превращаться в однозначную схему в пределах одной главы.

Возле ручья их ждал Хэр.
Тот самый Ор, который вчера запретил фотографировать водосброс.
Сегодня он держал в руках небольшую коробку.
Показал Гану.
Внутри лежала его вчерашняя деревянная модель канала.
И рядом новая деталь.
Хэр собрал её, очевидно, специально.
Два подвижных элемента.
Если вода давила сильнее, одна часть поднималась и меняла направление потока.
Автоматический регулятор.
Без электричества.
Гидравлическая обратная связь.
Ган почувствовал восторг.
— Это прекрасно.
Хэр не понял слов, но понял лицо.
Улыбнулся.
Показал на поток.
Потом на модель.
И произнёс слово.
Ган записал.
Не надо сразу переводить как «клапан».
Потом Хэр неожиданно показал в сторону родника, где они были утром.

Сказал:

— Лэйн.

И постучал по модели.

Ган нахмурился.

Как связано?

Хэр снова.

Родник.

Лэйн.

Модель.

Потом рукой показал резкое повышение воды.

Ага.

Устройство построено с учётом сигналов Лэйн?

Или Лэйн для Ор включает изменения воды, на которые техника отвечает автоматически.

Вот важный поворот.

Местные не противопоставляют «духов» технологии.

Они строят устройства на основе тех же наблюдаемых связей.

Лэйн не объект веры вместо механики.

Это часть их практического знания о месте.

Ган почувствовал, как рассыпается ещё одна земная привычка: «мифическое» отдельно, «техническое» отдельно.

Здесь одно могло прорастать в другое без конфликта.

Если родник предупреждает характерным звуком о росте давления, это одновременно Лэйн и гидрологический сигнал.

Название не отменяет механизма.

Механизм не отменяет культурного значения.

Очень зрелая культура.

Или просто другая.

Вернувшись в Бункер, они разложили всё по столу.

Деревянная трубка Эна.

Записи родника.

Магнитный всплеск.

Видео падения ветки.

Данные гидравлической модели Хэра.

Рисунки.

Слова.

Андрей слушал молча.

Когда Ган закончил, тот сказал:

— Значит, духи оказались датчиками?

Ган сразу:

— Нет.

— Почему?

— Потому что датчик — это устройство, которое мы строим для получения конкретного параметра. Здесь шире.

— Тогда экосистемой?

— Тоже слишком большое слово.

Лара сняла куртку.

— Оставьте Лэйн в покое.

Оба посмотрели.

— Мы знаем новое слово. Не обязательно сегодня переводить.

Вот.

Лучший итог дня.

Ган кивнул.

— Оставляем.

На доске написал:

ЛЭЙН — пока без перевода.

Ниже — только наблюдения.

Возле явлений, которые местные называли Лэйн, часто присутствовали слабые сигналы среды до заметного события.

Некоторые Лэйн устойчиво связаны с конкретными местами.

Местные умеют их слышать, чувствовать или распознавать.

Для этого используют опыт и простые инструменты.

Слово может применяться и там, где прямой механизм пока не обнаружен.

Ган остановился.

Убрал последнюю строчку.

Она уже задавала слишком много.

Написал просто:

Не все случаи пока объяснены.

Достаточно.

Потом Андрей сделал вещь, которую никто не ожидал.

Он взял трубку Эна.

Приложил к стене Бункера.

— Что ты делаешь?

— Слушаю Лэйн.

Ган рассмеялся.

Лара тоже.

А потом Андрей перестал улыбаться.

— Тихо.

Они замолчали.

Он передал трубку Гану.

Тот приложил к бетону.

Сначала вентиляция.

Дальний гул насосов.

Вода.

Обычные звуки.

Потом — глубокий вибрационный рисунок.

Четыре компонента.

Не буквально звуки генераторов.

Скорее их механическое отражение в конструкции.

Каждый шёл с небольшим фазовым сдвигом.

Ган закрыл глаза.

Бункер тоже звучал.

Конечно.

Любая большая система звучит.

— Ещё раз к этой стене, — сказал Андрей.

Ган переставил.

Рисунок изменился.

Возле жёлтой комнаты — один.

Возле нижнего коридора — другой.

У белой двери — третий.

Вот.

Если бы человек вырос здесь, слушал десятилетиями и передавал опыт поколениями, он тоже мог бы научиться различать состояние Бункера без экранов.

По стене.

По воде.

По воздуху.

По звуку металла.

Как Аира различает лес.

Ган вдруг почувствовал смысл слова почти телом.

Лэйн мог быть не свойством чужого мира.

Это универсальный способ видеть локальную систему как участника отношений.

У Бункера тоже есть свой характер ответов.

Просто Ган называл их данными.

Местные — Лэйн.

Но опять слишком быстро.

Он снял трубку.

— Не записывай это как вывод.

Лара улыбнулась.

— Уже знала.

Книга «Бункер» написала главу быстрее обычного.

Когда вечером Ган открыл второй том, страница уже была заполнена.

Глава 3. Местные Духи.

Он поморщился от самого названия.

Вчера оно казалось нормальным.

Сегодня — грубым переводом.

Книга начала с родника.

Хорошо.

Описала изменение тона перед обвалом.

Потом сделала то, чего он ожидал: назвала Лэйн «духом места».

— Вот.

Лара читала через плечо.

— Слишком рано.

— Да.

Дальше было красивее и опаснее.

«У каждого места был свой способ говорить, и местные называли этот способ Лэйн».

Ган остановился.

— Это уже ближе.

— Но тоже твоя интерпретация.

— Да.

Он записал на полях:

Не установлено, обозначает ли Лэйн «способ говорить», само место, отношение, присутствие или более широкое понятие.

Лара посмотрела.

— Когда-нибудь книга тебя убьёт за комментарии.

— Пусть сначала докажет субъектность.

Дальше текст описывал ветку, родник, животное, Эна, трубку.

И почти незаметно превращал все эпизоды в одну стройную систему.

Вот главный соблазн литературы.

Жизнь была гораздо грязнее.

Не каждое Лэйн они поняли.

Не каждый сигнал повторился.

Не каждый местный реагировал одинаково.

Тэй половину времени вообще скучал.

Хэр использовал слово технически.

Эн — почти философски.

Аира — телесно и практично.

Возможно, разные племена понимали Лэйн по-разному.

Книга пока это сглаживала.

Ган написал:

Проверить различия между Ран, Ор, Сай и другими группами в отношении Лэйн.

Вот задача.

В конце главы книга всё-таки удивила.

Она не завершила всё «духом леса».

Последняя сцена была у стены Бункера.

Ган слушал бетон через деревянную трубку.

И текст говорил:

«Он впервые подумал, что местные, возможно, вовсе не населили мир духами. Возможно, это он сам жил в мире, из которого слишком многое заранее исключил».

Ган перечитал.

Не зачеркнул.

Лара тоже молчала.

Фраза не утверждала, что духи объективно существуют.

Она переворачивала направление вопроса.

Человек модерной культуры часто думает: вот камень, вода, дерево — а потом кто-то «добавляет» к ним духа.

Но что, если другая культура не начинает с мёртвых объектов?

Что, если вода сразу существует как поток, звук, опасность, питание, история, место встреч, память, направление, изменение погоды и способ общения?

Тогда «дух» не добавка к материальному миру.

Это имя для полноты отношений, которую чужой язык разрезал на части.

Ган почувствовал, что мысль сильная.

И всё равно не окончательная.

Потому что оставался магнитный всплеск.

Оставались звуки, которые повторялись чаще, чем ожидалось.

Оставались места, где Аира знала раньше него.

Оставался знак Лэйн без человека, без животного, даже без дерева.

Эн явно не сводил понятие только к восприятию.

Значит, загадка остаётся.

Хорошо.

Ночью их разбудил сигнал станции по ту сторону двери.

Не тревога.
Звуковой пик.
Ган пришёл в лабораторию первым.
Лара следом.
Андрей уже сидел у экрана.
Камера смотрела на поляну.
Ночь.
Никого.
Но микрофон записывал низкий звук.
Длинный.
Очень слабый.
Ган сразу подумал о Гаан.
— Дерево?
— Нет, — сказал Андрей. — Источник ближе.
Он переключил второй микрофон.
Разница фаз позволяла приблизительно определить направление.
Звук шёл от ручья.
Того самого возле двери.
Они слушали.
Низкий тон.
Потом второй.
Третий.
Интервалы.
Очень близкие к тем, которые утром дал родник.
Но здесь не было скалы с полостью.
Ручей открытый.
Почему звучит?
На камере вода выглядела спокойно.
Потом у края кадра появился свет.
Маленький.
Зелёный.
Ган напрягся.
Ещё один.
Плетёные сферы?
Нет.
Свет двигался сам.
Насекомые.
Несколько.
Они летели над водой.
Сели на камни.
Потом все одновременно поднялись.
На секунду светящиеся точки выстроились дугой.
Красиво.
Очень.
Ган ничего не сказал.
Дуга распалась.
Насекомые улетели.
Низкий звук исчез почти одновременно.
— Совпадение, — сказала Лара.

— Возможно.

Андрей открыл график.

В момент звука магнитное поле на станции дало слабое изменение.

Не резкий скачок.

Плавную волну.

Потом вернулось.

Ган смотрел.

Вот теперь у них был феномен, которого местные рядом не объясняли.

Никто не произносил Лэйн.

Никакого человека.

Никакого ритуала.

Только вода, насекомые, магнитное поле и звук.

Можно найти физику.

Наверняка.

Но искать её придётся всерьёз.

— Завтра ставим больше датчиков, — сказал Андрей.

— Да.

Лара смотрела на экран.

— И спрашиваем Эна.

Ган кивнул.

На мониторе поляна снова стала обычной.

Тёмная трава.

Ручей.

Камни.

Никакого света.

Он вдруг понял, что название главы всё-таки можно оставить.

Местные Духи.

Не потому, что они доказали духов.

Потому что именно так его собственный язык впервые пытался приблизиться к явлению.

Грубое слово.

Но рабочее.

Потом, возможно, появится лучшее.

Перед сном Ган открыл старый план второй части.

Следующая глава:

Высшие Силы.

Он долго смотрел на название.

После сегодняшнего оно звучало почти вызывающе.

Если «местные духи» уже оказались настолько трудно переводимыми, что тогда местные называют Высшими Силами?

Ган не хотел знать заранее.

Закрыл файл.

И в этот момент белая дверь тихо щёлкнула.

Не открылась.

Просто замок изменил положение.

На терминале появилась новая строка.

Не от системы Бункера.

Канал внешней ветви.

Короткий пакет данных, переданный станцией с той стороны.

Среди обычных измерений — новый акустический фрагмент.
Длительность девять секунд.
Андрей запустил.
Сначала ветер.
Потом голос.
Человеческий.
Старик Эн.
Он, видимо, подошёл к станции ночью.
Сказал всего несколько слов.
Одно Ган узнал:
— Лэйн.
Потом другое.
Новое.
Прозвучало медленно:
— **Ара.**
Эн повторил.
— Ара.
Потом указал — это было видно по камере — не на ручей, не на лес и не на Гаан.
Он поднял руку к небу.
Очень высоко.
И коснулся лба.
Запись закончилась.
Ган молчал.
Лара тоже.
Андрей спросил:
— Следующее слово?
Ган посмотрел на заголовок будущей главы.
Потом закрыл экран.
— Завтра.
На этот раз не из осторожности.
Из уважения к тому, что ещё не успело стать понятным.

Часть II. ДРЕВО
Глава 4. Высшие Силы

Утром Эн снова стоял у камеры.

Один.

Он пришёл ещё до того, как Ган открыл белую дверь, и, судя по записи, около двадцати минут просто ждал возле ручья.

Никаких жестов в объектив.

Никаких попыток исследовать прибор.

Старик сидел на камне, положив ладони на колени, и смотрел вверх.

Туда, куда показывал ночью.

Когда дверь открылась, Эн поднялся.

— Ара, — сказал он вместо приветствия.

И снова указал на небо.

Сегодня жест был другим.

Вчера палец уходил почти вертикально вверх, потом касался лба. Теперь старик провёл рукой через всё небо — от горизонта к горизонту.

— Ара, — повторил он.

Ган вышел.

Лара следом.

Андрей сегодня тоже решился пройти через дверь. После вчерашних записей Лэйн он заявил, что сидеть в Бункере и получать события уже готовыми «начинает напоминать плохую старость».

Ган не стал уточнять, что Андрей старше его.

Жить хотелось.

Аира ждала дальше по тропе.

Рядом стояла Сава.

Это уже означало, что сегодняшний день касается нескольких групп.

Эн сказал что-то обеим.

Сава взглянула на небо.

Аира — на Гаан.

Ган заметил:

все трое смотрят в разные стороны.

Если речь о едином явлении, каждая группа, возможно, ищет его признаки в своём месте.

Интересно.

Он показал на небо.

— Ара?

Эн кивнул.

Потом Ган показал на солнце.

Старик отрицательно качнул головой.

На облака.

Нет.

На птиц.

Нет.

Ган указал на Гаан.

Эн задумался.

Провёл рукой от неба вниз, к огромной кроне.

— Ара.

Потом коснулся дерева.

— Лэйн.

Вот.

Два слова рядом.

Первое — сверху.

Второе — здесь.

Но «верх» мог означать не направление.

Ган почувствовал, как в уме уже строится лестница: местные духи ниже, высшие силы выше.

Слишком удобно.

Он почти физически увидел, как русское название главы начинает командовать восприятием.

Высшие Силы.

Название было написано раньше знакомства с Эн.

Мир не обязан ему соответствовать.

— Идём, — сказала Лара.

Правильно.

Сначала день.

Потом философия.

К Гаан сегодня шли другой дорогой.

Она была длиннее и постепенно поднималась.

Сначала среди знакомого влажного леса, затем по каменистому склону, где деревья становились ниже.

Тэй догнал их примерно через час.

Запыхавшийся, злой и с большим свёртком за спиной.

Аира посмотрела.

Что-то спросила.

Он ответил коротко.

Она рассмеялась.

Тэй бросил свёрток на землю и показал вверх.

Ган понял даже без языка:

кто-то заставил молодого мужчину тащить тяжёлую вещь в гору, и тот считает решение глубоко несправедливым.

Свёрток оказался длинной конструкцией из деревянных реек.

Тэй раскрыл её.

Круг.

Почти два метра диаметром.

Внутри — несколько подвижных колец.

Ган остановился.

— Астролябия?

Лара посмотрела.

— Очень большая.

— Или сушилка для белья.

Тэй услышал смех и возмутился ещё сильнее.

Поставил конструкцию вертикально.

Кольца свободно повернулись.

На внешнем ободе были метки.

Не числа.

Знаки.

Некоторые Ган видел на картах племён.

Другие новые.

Эн подошёл.

Повернул внутреннее кольцо.

Навёл его на солнце.

Через маленькое отверстие луч света упал на пластинку в центре.

Вот теперь стало ясно.

Астрономический прибор.

Не земная копия.

Но функция узнаваема.

Лара тихо сказала:

— Значит, Ара можно измерять.

Ган посмотрел.

Хорошее наблюдение.

Если слово принадлежит исключительно религиозной области, странно таскать в гору огромный угломер.

Хотя на Земле священное и измерительное тоже прекрасно уживались вместе.

Календари.

Храмы.

Солнцестояния.

Небесная механика.

Опять не надо делить мир заранее.

Первую остановку сделали на площадке Сай.

Сегодня там было непривычно много людей.

Несколько Ран.

Двое Тар.

Сава и ещё трое Ор.

Даже одежда Мэй появилась впервые.

Ган узнал знак только потому, что Лара тихо ткнула его локтем.

У подножия стены сидели две женщины в почти чёрных свободных одеждах, расшитых снизу тонкой зелёной нитью. У одной волосы были заплетены в множество коротких кос, вторая носила голову почти наголо.

Рядом лежали корзины с тёмной землёй и корнями.

Мэй.

Пятая группа.

Люди, которых на рисунке Савы связывала линия, уходящая вниз под Гаан.

Ган хотел подойти.

Аира удержала его за рукав.

Покачала головой.

Не сейчас.

Хорошо.

На площадке разворачивали приборы.

Их было больше десятка.

Кольца.

Тонкие рейки с грузами.

Чаши с водой.

Подвешенные каменные пластинки.
Длинные нити, натянутые между столбиками.
Ничего похожего на единый научный комплект.
Скорее несколько традиций наблюдения, принесённых разными группами.
Вот это было прекрасно.
Никто не унифицировал мир только потому, что все смотрят на одно событие.
Тар установили над водой чашу с тонким поплавком.
Ор закрепили металлическую пластинку на длинной деревянной раме.
Сай возились с кольцами.
Мэй вообще ничего не ставили.
Обе женщины сняли обувь и стояли на земле.
Ран принесли ветви с живыми листьями и подвесили их на тонких волокнах.
Ган смотрел.
— Они все ждут одного?
— Похоже, — сказала Лара.
— И каждый измеряет другим способом.
Андрей улыбнулся:
— Добро пожаловать в нормальную науку.

Эн показал Гану на небо.
Потом на прибор.
— Ара.
Ган указал на кольца.
— Ара?
Старик покачал головой.
Прибор — не Ара.
На солнце?
Нет.
На пространство между небом и прибором?
Эн улыбнулся.
Не подтвердил.
Потом показал сразу на всё.
Небо.
Гаан.
Воду.
Землю.
Людей.
— Ара.
Вот уже хуже для простого перевода.
Ган почувствовал знакомое раздражение: смысл рядом, но каждый новый пример расширяет его вместо того, чтобы сужать.
Эн будто заметил.
Взял палку.
На земле нарисовал несколько маленьких кругов.
В каждом поставил знак Лэйн.
Потом над всеми провёл одну длинную дугу.
На дуге написал другой знак.
— Ара.
Ган замер.

Вот.

Лэйн много.

Ара одна линия над ними.

Но «над» снова не обязательно иерархия.

Скорее общее воздействие, проходящее через множество мест.

Ган показал на один круг.

— Лэйн.

Эн кивнул.

На два.

— Лэйн?

Старик произнёс множественную форму, которую Ган пока не понял.

Потом провёл рукой по дуге.

— Ара.

Лара присела.

Нарисовала облако дождя.

Под ним три дерева.

Показала на дождь.

Вопросительно:

— Ара?

Эн подумал.

Покачал головой.

Затем добавил к рисунку дождя солнце, стрелки ветра, воду под землёй, какую-то спираль.

Только после этого ткнул пальцем.

— Ара.

Ган начал понимать.

Не одно явление.

Порядок, который охватывает множество явлений одновременно.

Или сила, способная менять сразу многие Лэйн.

Именно поэтому местный язык мог воспринимать её как «высшую».

Не потому, что она сидит на верхнем этаже мира.

Масштаб действия больше.

Андрей уже доставал свои приборы.

— Проверим.

На переносном магнитометре поле медленно росло.

Не резко.

С начала утра примерно на семь процентов.

Семь процентов в местных единицах измерения, которые ещё нужно было привязать к земным — но изменение реальное.

И станции у белой двери фиксировали то же.

То есть явление не локальное.

Ган почувствовал первое возбуждение.

— Область минимум несколько километров.

Андрей покачал головой.

— Станция в Бункере тоже видит изменение.

Ган замер.

— На нашей стороне?

— Да.

Вот.
Это уже другое.
Белая дверь соединяет две среды.
Но часть изменения поля проявляется по обе стороны.
Значит, либо источник связан с самой дверью, либо поле Бункера и внешней ветви остаётся единой системой.
Лара спросила:
— Н-22?
— Выключен.
— Нулевой поворот?
— Не похоже.
Канон поля сохранялся.
Но амплитуда росла.
Очень медленно.
Словно что-то большое приближалось.
Или обе системы входили в более крупный цикл.
Ган посмотрел на небо.
Оно было совершенно спокойным.
Высокие облака.
Солнце.
Ни грозы.
Ни бури.
И всё же вокруг люди готовились.
Не испуганно.
Сосредоточенно.

Сава подошла к Гану.
Показала на его часы.
Потом на солнце.
Произнесла несколько слов.
Он не понял.
Она повторила.
Нарисовала палочкой круг и разделила его на части.
В одной точке поставила знак Ара.
Календарь.
Предсказуемое событие?
Ган показал:
сегодня?
Сава кивнула.
Потом пальцами изобразила количество.
Три?
Или четыре?
Лара снимала.
Андрей сказал:
— Если это периодический процесс, сейчас можно проверить.
Они спросили через рисунок.
Сава поняла удивительно быстро.
Нарисовала несколько кругов.
В каждом знак Ара находился примерно в одной области.

Не точно.
С небольшим сдвигом.
Цикл.
Но не жёсткий календарь.
Похоже на сезонное или астрономическое явление с вариациями.
Ган почувствовал облегчение.
Никакого внезапного «сошествия Высшей Силы».
Местные умеют прогнозировать.
Значит, есть повторение.
Повторение можно изучать.

Через два часа начал меняться Гаан.
Первой заметила Аира.
Она стояла у края площадки и смотрела на крону.
Ган проследил взгляд.
Ничего.
Потом увидел.
Листья поворачивались.
Не от ветра.
Ветер шёл поперёк.
А тысячи листьев на огромной части кроны медленно меняли угол почти одновременно.
Светлые нижние поверхности начали ловить солнце.
Крона из тёмно-зелёной становилась серебристой.
Эффект распространялся сверху вниз.
Не мгновенно.
Волной.
Ган поднял бинокль.
Миллионы листьев.
Гигантский организм меняет положение.
— Фототропизм?
Лара:
— Слишком быстро.
— Электрическая реакция?
— Возможно.
Андрей смотрел на датчик.
— Поле продолжает расти.
Кольца Сай повернулись.
Один из стариков переставил метку.
Поплавок Тар начал двигаться.
Не из-за волны на поверхности.
Вода в чаше оставалась спокойной, но небольшой каменный диск внутри медленно смещался к краю.
Магнитный материал?
Орская пластинка дрогнула.
Мэй одновременно присели и положили ладони на землю.
Ган почувствовал слабую вибрацию подошвами.
Очень низкую.
Почти как далёкий поезд.
Но дорог здесь нет.

Гаан?
Он приложил трубку Эна к корню.
Звук изменился полностью.
Вместо нескольких хаотических тонов шёл длинный низкий гул.
Ровный.
Нарастающий.
Древо входило в другое состояние.
— Ара, — сказал Эн.
Не торжественно.
Как человек, который посмотрел на тучу и сказал: дождь.

В Бункере одновременно сработала автоматика.
Лара услышала сообщение в наушнике.
— Андрей.
Он уже смотрел.
— Вижу.
— Что?
— Белая дверь.
Канал показывал скачок температуры металла на два градуса.
Поле нижней камеры менялось синхронно с внешним.
Не тревога.
Но связь усилилась.
Ган почувствовал холод.
Ара происходила не только здесь.
Их дверь — часть системы.
Эн показал на его наушник.
Ган ответил:
— Бункер.
Старик, конечно, не понял.
Ган нарисовал дверь.
Провёл линию.
Нарисовал вторую сторону.
Поставил знак, который они использовали для их мира.
Эн смотрел.
Потом неожиданно взял палку и над обеими сторонами нарисовал ту же длинную дугу.
— Ара.
Ган замер.
Старик понял главное без знания физики двери.
То, что они считают двумя местами, для Ара может быть одной областью.
Высшая сила — не потому, что живёт выше.
Потому что **граница, важная для людей, для неё может вообще не существовать**.
Вот это уже было действительно крупно.

Небо потемнело около полудня.
Не облаками.
Солнце оставалось видно.
Но свет начал меняться.
Сначала чуть холоднее.
Потом синее.

Тени стали мягкими.

Лара подняла спектрометр.

— Спектр уходит.

— Атмосфера?

— Или источник.

Ган посмотрел вверх.

Вокруг солнца появилось широкое кольцо.

Не гало обычного вида.

Слишком большое.

И не белое.

Тонкая синевато-зелёная дуга.

Потом вторая.

Несколько человек на площадке подняли головы.

Дети, которые до сих пор бегали между взрослыми, внезапно замолчали.

Не потому, что им приказали.

Сами.

Красиво.

И немного страшно.

Кольца расширялись.

Ган почувствовал знакомое желание дать название.

Полярное сияние?

Дневная аврора?

Оптическое явление?

Ничего пока.

Андрей сказал:

— Магнитное поле растёт быстрее.

И в этот момент воздух зазвучал.

Не гром.

Не ветер.

Тон.

Очень высокий и очень низкий одновременно — странное ощущение, будто ухо слышит одно, грудь другое.

Гаан ответил.

Весь ствол.

Не отдельный корень.

Огромное дерево зазвучало снизу доверху.

Миллионы листьев дрожали серебристой волной.

По коре проходили светлые полосы.

Ган сначала решил, что солнечные блики.

Нет.

Свет шёл изнутри.

Слабый.

Зеленоватый.

Те самые ночные огни, которые он видел в кроне, теперь возникали внутри проводящих линий ствола.

Как ток.

Как движение жидкости.

Как биолюминесцентная сеть.

Никто из местных не кричал.

Не падал на колени.
Не поднимал руки к небу.
Они работали.
Тар следили за водой.
Ор закрепляли металлические пластины.
Ран переносили молодые растения с открытых террас под корни.
Сай наблюдали приборы.
Мэй ушли ниже.
Вот что больше всего поразило Гана.
Высшая Сила не отменяла бытовую ответственность.
Если приходит большое событие, нужно не только восторгаться.
Нужно закрыть канал.
Укрепить мост.
Увести детей.
Проверить воду.
Ган почувствовал уважение.

Он увидел Хэра.
Тот был далеко внизу у одного из водосбросов.
Вчерашний механизм работал.
Уровень воды поднялся.
Поплавок повернул деревянную деталь.
Канал сам изменил направление.
Часть потока ушла в боковой резервуар.
Вот зачем они строили такую систему.
Лэйн давали локальные сигналы.
Ара приносила крупный режим, в котором эти сигналы менялись сразу во многих местах.
Техника отвечала на них.
Никакой войны веры и механизма.
Просто мир.

Затем случилось то, чего они не ожидали.
Все пять групп запели.
Не одновременно.
Сначала Сай.
Низкий длинный звук.
Почти унисон.
Потом Ран ответили выше.
Тар — короткими ритмическими фразами.
Ор вступили ещё позже.
Из нижних проходов между корнями пришёл голос Мэй.
Глубокий.
Женский.
Ган замер.
Это был канон.
Не их музыкальный термин.
Но фактически именно это.
Разные линии входят со сдвигом.
Один материал?

Не совсем.
Мелодии различались.
Но интервальная структура повторялась.
Андрей посмотрел на Гана.
Оба поняли.
— Записывай всё.
Лара уже записывала.
Пять групп.
Пять музыкальных линий.
И каждая приходила в своё время.
Музыка собиралась не в аккорд, а в движущееся поле.
Звук шёл вокруг Гаан.
Ствол отвечал резонансом.
Ган почувствовал мурашки.
Николай создавал фазовые каноны генераторов.
Эти люди пели каноном вокруг живого дерева.
Не значит, что одно происходит от другого.
Но функциональное сходство огромное.
Песни могли быть способом синхронизации людей во время Ара.
Дыхание.
Работа.
Ожидание.
Возможно, ещё что-то.
Ган смотрел на Эн.
Старик не пел.
Слушал.
Когда одна линия чуть ускорилась, он поднял руку.
Сай скорректировали темп.
То есть музыка не только ритуал.
Управление.
Координация.

Через несколько минут Андрей сказал:
— Ган.
Тон изменился.
— Что?
— Смотри на поле.
На экране четыре компонента внешней ветви постепенно входили в определённое фазовое отношение.
Не совпадение.
Не нулевой поворот.
Структура становилась устойчивее.
И песня местных менялась параллельно.
— Они подстраиваются под поле?
— Или поле под них.
— Андрей.
— Я сказал «или».
Вот.
Неясно.

Можно предположить, что люди слышат Гаан и подстраивают песню под его резонанс.
Тогда корреляция объясняется через общий источник.
Дерево реагирует на поле.
Люди реагируют на дерево.
Музыка совпадает с полем.
Никакой обратной причинности не нужно.
Но проверить стоит.
Ган показал Эн на прибор.
Потом на певцов.
Старик понял не всё.
Зато показал рукой:
не прибор.
Сначала на небо.
Потом на Гаан.
Потом на людей.
Не наоборот.
Для него порядок был ясен.
Ара → Гаан → люди.
Но культурная модель не доказательство.
Просто их картина причинности.
Запомнить.

Кольца вокруг солнца достигли максимума.
На секунду весь свет изменился.
Мир стал почти бесцветным.
Кожа людей посерела.
Зелень потемнела.
И затем по Гаан сверху вниз прошла яркая волна.
Один раз.
Как молния без разряда.
Не белая.
Золотисто-зелёная.
Крона вспыхнула тысячами точек.
Песня оборвалась.
Точно.
В одну секунду.
Тишина.
Ган услышал собственное дыхание.
Потом огромный ствол издал звук, который нельзя было назвать просто звуком.
Глубокий удар.
Будто внутри дерева на километры длиной что-то огромнейшее сдвинулось.
Земля под ногами ответила.
Один толчок.
Слабый.
Но реальный.
Лара схватила Гана за руку.
Андрей едва удержал прибор.
Дети закричали.
Не от страха.

От восторга.
И побежали к краю площадки.
Взрослые остановили.
Вот теперь стало понятно: событие знакомое.
Редкое.
Но знакомое.
Ара.

После главного импульса всё начало спадать.
Магнитное поле.
Световые кольца.
Гул.
Листья Гаан постепенно возвращались в обычное положение.
Люди разговаривали.
Кто-то смеялся.
Кто-то уже собирал приборы.
Как после грозы.
Никакого пророчества.
Жизнь продолжалась.
Ган почувствовал лёгкое разочарование и тут же рассмеялся над собой.
Он всё ещё ожидал, что Высшая Сила обязана сообщить лично ему что-нибудь существенное.
Нет.
Она прошла.
Не обратила внимания.
Это было прекрасно.

Эн подошёл.
— Ара.
Ган кивнул.
Показал на небо.
Потом на Гаан.
На воду.
На землю.
На прибор.
— Ара.
Старик улыбнулся.
Но затем покачал головой.
Взял руку Гана.
Положил на его грудь.
— Ара.
Ган замер.
На него?
Внутри?
Он вопросительно показал на себя.
Эн поправил.
Не на Гана как личность.
На грудь.
Потом на голову.

Потом развёл руки.

— Ара.

Ган начал понимать новый слой.

Большой порядок действует не только на природу вокруг.

Живое тоже в нём.

Люди не наблюдают Ара снаружи.

Они являются частью его прохождения.

Частота дыхания.

Состояние тела.

Ритм.

Песня.

Поведение.

Вот почему музыка.

Это не поклонение явлению.

Способ пройти его вместе.

Возможно.

Лара, которая всё это время наблюдала, вдруг сказала:

— Пульс.

— Что?

— У меня изменился.

Она показала браслет.

В течение главного импульса пульс вырос, хотя физической нагрузки почти не было.

У Гана тоже.

У Андрея.

Адреналин?

Конечно.

Яркий свет, звук, вибрация.

Обычная физиология.

Но у местных песня могла сознательно регулировать именно это.

Синхронизировать дыхание во время события, которое влияет на тело.

Ритуал как технология физиологической устойчивости.

Опять граница исчезала.

То, что сторонний наблюдатель назвал бы религиозной церемонией, могло одновременно быть системой управления состоянием группы.

Прометей.

Передача состояния.

Всё возвращалось, но уже не внутри искусственного Бункера.

В живой культуре.

Ган почувствовал, что Николай исследовал не такие уж странные вещи.

Люди тысячелетиями умели менять коллективное состояние через песню, ритм, дыхание, движение.

Он просто пытался измерить.

Мэй появились только после спада.

Обе женщины вернулись снизу.

Одна держала прозрачный сосуд.

Внутри была тёмная жидкость.

Нет.

Не жидкость.
Почва, насыщенная водой.
Они показали Эн.
Старик посмотрел.
Сава подошла.
Начался разговор.
Напряжённый.
Ган не понимал.
Аира переводить не могла.
Одна из Мэй — та, что была почти без волос, — подошла к Гану и показала на землю.
Потом вниз.
Потом произнесла:
— Ара.
И другое слово:
— **Ум.**
Очень короткое.
Ган повторил.
Она поправила:
— Ум-м.
С двумя почти слитыми звуками.
Потом показала на сосуд.
В грязной воде плавали тонкие белые нити.
Корни?
Грибница?
Они двигались.
Не сами.
Вода колебалась.
Но рисунок был странный.
Ган вспомнил линию Мэй на карте — вниз.
Их наблюдение Ара шло через подземную часть Гаан.
Корни.
Почва.
Возможно, грибные сети.
Снова другое окно на то же событие.
Сай смотрят на небо.
Ран слушают ствол.
Тар — воду.
Ор — материалы и механизмы.
Мэй — землю.
Пять групп не просто социальные сообщества.
Их способы знания специализировались на разных средах.
Это ещё не доказательство происхождения племён.
Но уже многое объясняло.
Ган почувствовал уважение к системе, которую вчера едва не назвал «пятью племенами вокруг священного дерева».
Она была гораздо сложнее.

После Ара их повели выше.
Ган удивился.

Думал, день закончен.
Но Сава настояла.
Подъём шёл по наклонной дороге вдоль Гаан.
Выше, чем вчера.
Потом по мосту между двумя огромными выступами коры.
Лара шла медленно.
Ган заметил.
— Нормально?
— Да.
— Высота?
— Не люблю.
Вот.
Он впервые услышал от неё это.
— Сильно?
— Достаточно.
Внизу уже десятки метров.
Мост надёжный.
Широкий.
Но щели между досками показывали землю.
Лара смотрела только вперёд.
Ган хотел сказать, что можно остановиться.
Не сказал сразу.
Её право решать.
На середине она сама остановилась.
Прижалась ладонью к перилам.
— Минуту.
Все остановились.
Никто не торопил.
Аира стояла впереди.
Вернулась.
Не спрашивала.
Просто встала рядом.
Через минуту Лара выдохнула.
— Идём.
Ган кивнул.
Никаких уроков о преодолении страха.
Иногда человеку просто страшно на высоте.
И он идёт медленнее.

Верхняя площадка была почти пустой.
Отсюда видно далеко.
Гаан уже не выглядел единым деревом.
На уровне кроны он превращался в мир ветвей.
Некоторые уходили так далеко, что их концы скрывались в тумане.
Между крупными ветвями были поселения.
Ган увидел их десятки.
Не одно.
Некоторые огромные.
Другие — несколько домов.

Переходы.
Сады.
Подвесные резервуары.
Световые структуры.
Сеть цивилизации, поднятая над землёй.
Он стоял молча.
И только теперь понял, насколько маленькую часть видел снизу.
Сава показала вдаль.
На несколько разных направлений.
Назвала слова.
Ган записывал.
Имена мест?
Ветвей?
Поселений?
Потом она указала вверх.
Небо уже вернулось к обычному.
— Ара.
И провела рукой по всему горизонту.
Затем коснулась Гаан.
— Лэйн.
Вот различие снова.
Ара проходит широко.
Лэйн проявляется конкретно.
Как климат и ручей?
Как солнечная буря и локальное магнитное поле?
Как общий закон и конкретное событие?
Ган почувствовал, что слов русского языка недостаточно.
И это хорошо.

На площадке стоял ещё один прибор.
Большой каменный круг.
В центре — вертикальный стержень.
Вокруг по ободу знаки.
Тэй начал объяснять.
Конечно, Ган почти ничего не понимал.
Но кое-что стало ясно из жестов.
Круг отмечает положения небесных объектов.
Ара можно ожидать по определённым сочетаниям.
Не каждое событие Ара одинаково.
Есть разные.
Тэй называл слова и показывал разные участки круга.
По крайней мере четыре типа.
Возможно больше.
Ган почувствовал, как название «Высшие Силы» начинает раскрываться иначе.
Не единая сила.
Класс явлений.
Больших порядков.
Некоторые связаны с солнцем.
Другие с положением какого-то яркого небесного тела.

Третьи, возможно, с сезоном.

Четвёртые — с чем-то, чего он пока не понимал.

Местные не говорили об одном верховном божестве.

По крайней мере пока.

Они знали множество больших ритмов, которые проходят через мир и меняют местные условия.

Ара — либо общее слово для таких сил, либо один из уровней их классификации.

Ган показал Тэю звёздную карту Земли.

На планшете.

Вот тут произошло настоящее потрясение.

Не для Гана.

Для Тэя.

Молодой мужчина смотрел.

Сначала думал, это просто рисунок.

Ган включил вращение.

Небо изменилось.

Тэй перестал дышать.

Позвал Саву.

Эна.

Ещё людей.

Через минуту вокруг планшета уже толпа.

Ган пожалел, что показал.

Не потому, что технология слишком сложная.

Потому что внес сильнейший информационный объект без подготовки.

Но уже поздно.

Люди смотрели на земные созвездия.

Некоторые знаки явно узнавали.

Вот это было неожиданно.

Сава показала на группу звёзд.

Произнесла своё слово.

Ган сверил.

Положение напоминало Кассиопею.

Не точно.

Но близко.

Тэй нашёл другую.

Похожую на Большую Медведицу.

Ган почувствовал холод.

Если это те же звёзды…

Земля?

Другой район?

Или другая эпоха?

Не спешить.

Нужно сфотографировать настоящее ночное небо здесь с точными углами.

Сравнить.

Но реакция местных уже говорила: их небесная карта имеет сходные структуры.

Возможно, белая дверь ведёт всё-таки на Землю.

Очень далеко.

Или в другой временной период.

Или человеческий мозг опять ловит сходство среди множества точек.
Проверим.

Эн вдруг забрал планшет у Тэя.
Очень спокойно.
Погасил экран.
Протянул Гану.
Тот понял.
Достаточно.
Старик был прав.
Не надо за один день подсовывать культуре портативный планетарий чужого мира.
Ган убрал.
Эн показал на небо.
Потом на глаза.
Потом на грудь.
— Ара.
И ещё раз — на настоящий горизонт.
Не экран.
Ган улыбнулся.
Старик, возможно, просто хотел, чтобы они смотрели на явление там, где оно происходит.
Ратнер бы точно нашёл друга.

Возвращались вечером.
Лара всё ещё была бледнее обычного после высоты, но шутила.
— Если в следующей главе у них появятся летающие мосты, я остаюсь внизу.
— Я буду носить тебя.
— Тогда ты полетишь первым.
— Прекрасная поддержка.
Аира слушала их интонации.
Не понимая слов, улыбалась.
Тэй пытался повторить русское «прекрасно».
Получалось:
— Прэ-сна.
Лара учила.
Ган засмеялся.
— Ты зачем портишь им язык?
— Международное сотрудничество.
Тэй наконец сказал:
— Прек-рас-но.
Все захлопали.
Он самодовольно поклонился.
Вот Высшие Силы.
Пять часов назад небо меняло поле огромного мира.
Теперь Тэй учится произносить русское прилагательное.
И одно никак не делало другое меньше.

У родника Аира внезапно остановилась.
Лэйн.

Ган уже узнал по лицу.
Она слушала воду.
Поток был спокойный.
Потом показала на чашу Тар.
Уровень чуть выше утреннего.
Последствие Ара.
Вот локальный эффект.
Большой режим прошёл.
Лэйн изменились.
Местные теперь будут несколько дней разбирать последствия по местам.
Такая система знания выглядела почти как распределённая сеть наблюдений.
Не центральная метеостанция.
Люди в разных средах знают свой участок.
Потом данные собираются.
Ган вспомнил рисунок Савы с линиями между пятью группами.
Возможно, именно это они обозначали.
Не политический союз.
Обмен наблюдениями.
Или и то и другое.
У цивилизации редко бывает одна функция у сети.

В Бункере их ждали результаты.
Поле на нашей стороне тоже прошло плавный подъём и спад.
Максимум почти совпал с главным импульсом Гаан.
Разница — меньше трёх секунд.
Андрей проверил часы.
Синхронизация точная.
Это уже серьёзно.
Ган сел.
— То есть Ара воздействует на обе стороны.
— Или источник находится в самой системе связи и влияет одновременно.
— Белая дверь?
— Может.
— Но местные прогнозировали событие независимо от нас.
— Да.
— Значит, оно существовало до открытия двери.
— Вероятно.
Вот здесь обычная модель начинала трещать.
Если Ара — региональное природное событие той стороны, почему его поле появляется в Бункере?
Если это событие Бункера, почему местные имеют древние приборы и календарь?
Самый экономный вариант:
две стороны давно связаны физически на уровне поля, даже когда дверь закрыта.
Белая дверь не создаёт связь.
Она лишь делает её доступной человеку.
Вот это было крупно.
Значит, внешний мир Гаан мог влиять на Бункер ещё до того, как Ган узнал о его существовании.
И наоборот?

Опасный вопрос.

Вторая находка оказалась ещё сильнее.

Архив 1987 года.

В ночь, когда Николай исчез, поле прошло изменение, очень похожее по форме на сегодняшнее Ара.

Не идентичное.

Но структура подъёма и спада почти та же.

Андрей смотрел на экран.

— Он мог знать.

— Про эту сторону?

— Или хотя бы про периодическое внешнее воздействие.

В журнале Николая за два дня до исчезновения:

«Высокий режим ожидается 17 апреля. Совпадение с расчётным окном перехода».

Ган почувствовал холод.

Вот почему он выбрал дату?

Не мистическое 17.

Физическое окно.

Николай ждал определённый крупный режим поля.

Возможно, аналог Ара.

Он вошёл в центральную камеру на пике.

И исчез.

То, что местные воспринимают как большой природный цикл, Николай пытался использовать как условие перехода.

Это связывало две истории впервые напрямую.

Лара сказала:

— Если так, белая дверь может быть не изобретением Николая.

Ган посмотрел.

— В смысле?

— Он мог не создать ветвь. Мог найти способ войти в уже существующую связь.

Тишина.

Вот.

Очень важная разница.

Как радио не создаёт радиоволну только потому, что позволяет её услышать.

Как телескоп не создаёт звезду.

Бункер, возможно, не строил новые миры.

Он открывал доступ к структурам, которые уже существовали.

Тогда весь первый том менялся.

Комната.

Архив.

Белая дверь.

Не обязательно генерация пространства.

Возможно, настройка на разные доступные состояния.

Пока гипотеза.

Но сильная.

Ган почувствовал, как масштаб резко вырос.

И именно поэтому решил остановиться.

Сегодня хватит.

Книгу открыли поздно.

Глава 4. Высшие Силы.

Она, конечно, оказалась более решительной.

Ара в тексте почти сразу получила определение:

«силы, которые проходят через множество мест, не принадлежа ни одному из них».

Ган прочитал.

— Красиво.

Лара:

— И почти наверняка преждевременно.

— Да.

Он записал на полях:

Наблюдение: явление Ара фиксировалось одновременно несколькими группами, разными локальными системами и приборами Бункера. Терминологическое значение слова пока не установлено полностью.

Дальше книга описывала пять групп как пять способов восприятия одного большого события.

Вот это уже соответствовало увиденному, хотя опять слишком гладко.

Ран — живой ствол и растения.

Тар — вода.

Ор — материальные конструкции.

Сай — небесные циклы и звук.

Мэй — земля и корни.

В реальности специализация была менее чистой.

Но структура действительно проявилась.

Не как кастовая система.

Как разные традиции знания.

Ган не зачеркнул.

Только написал:

Проверить.

Самой красивой сценой книга сделала песню.

Пять линий.

Гаан.

Свет.

Ара.

Текст утверждал, что племена «входят в общий ритм Вселенной».

Ган поморщился.

— Слишком много Вселенной на один хор.

Лара засмеялась.

— А что было?

— Они пели.

— Зачем?

— Не знаем.

— Связь с полем?

— Есть корреляция.

— Физиология?

— Вероятно.
— То есть?
Ган подумал.
— Пусть пока будет песня.
Вот.
Не обязательно всё переводить в концепцию.
Песня имеет право сначала быть песней.

Последняя треть главы оказалась иной.
Книга почти не говорила о «высоте».
Вместо этого дала фразу:
«Высшей сила становится не потому, что находится над человеком, а потому, что масштаб её движения включает человека вместе с тем местом, откуда он пытается на неё смотреть».
Ган перечитал дважды.
Вот это было близко.
Ара не сидит «выше» Лэйн.
Она крупнее масштаба локального наблюдателя.
Река может быть высшей силой для ручья, не потому что священнее.
Климат — для одного дерева.
Магнитная буря — для компаса.
История — для отдельной человеческой жизни.
И всё же слово «сила» опасно.
Оно заставляет воображать агентность.
Кто-то действует.
Кто-то хочет.
Местные пока не показали, что Ара имеет намерение.
Она может быть закономерностью.
Циклом.
Полем.
Или чем-то более сложным.
Оставить открытым.

Ближе к полуночи произошло маленькое событие, которое книга ещё не успела записать.
Андрей позвал их к монитору станции.
Камера на той стороне показывала Гаан.
Ночь.
После Ара большинство огней в кроне горело ярче обычного.
Но одна область оставалась тёмной.
Не просто без света.
Там даже листья почти не двигались.
Ветер шёл.
Соседние ветви качались.
Этот участок — нет.
Ган приблизил.
Большая ветвь.
Часть сооружений.
Несколько переходов.
Полная неподвижность.

— Камера зависла?
— Нет. Фон движется.
— Люди?
— Не вижу.
Лара сказала:
— Это было утром?
Андрей открыл запись до Ара.
Там эта ветвь жила.
Огни.
Движение.
Люди на мостах.
Теперь — темно.
Ган почувствовал холод.
Через минуту у края кадра появились фигуры.
Местные.
Они не входили на тёмную ветвь.
Стояли на соседнем переходе.
Смотрели.
Один поднял свет.
В ответ — ничего.
Потом появился Эн.
Даже на расстоянии Ган узнал его по походке.
Старик долго смотрел.
Произнёс слово.
Микрофон поймал плохо.
Андрей усилил.
— Шаа.
И ещё раз.
— Шаа.
Лара посмотрела на Гана.
Он уже знал название следующей главы.
Тени.
Но теперь не спешил.
На экране тёмная ветвь оставалась совершенно неподвижной.
Не зло.
Не чудовище.
Не чёрная фигура.
Просто участок живой системы, который после большого движения почему-то не вернулся в движение вместе с остальными.
Ган смотрел.
И впервые подумал, что тень может начинаться не там, где появляется что-то тёмное.
А там, где что-то перестаёт отвечать.

Часть II. ДРЕВО
Глава 5. Тени

К утру тёмная ветвь не ожила.

На записи было видно, как над Гаан постепенно светлеет небо, как серебро ночных огней бледнеет и растворяется в голубизне, как начинают двигаться мосты, открываются створки жилищ, появляются люди с корзинами, дети пробегают по переходам.

Одна ветвь оставалась неподвижной.

Солнце дошло до неё.

Осветило кору.

Тьма исчезла.

И стало ещё тревожнее.

Потому что выяснилось: никакой тьмы там нет.

Обычное дерево.

Обычные дома.

Переходы, лестницы, площадки.

Просто всё словно остановилось в середине движения.

Одна длинная ткань свисала с верхнего перехода, хотя на соседней ветви ветер трепал такие же полотнища. Подвесной мост почти не качался. В большом резервуаре у края площадки вода стояла гладкой.

Ган смотрел на экран.

— Ветер там есть?

Андрей вывел данные станции.

— Есть.

— Насколько слабее?

— Практически такой же.

Лара приблизила изображение.

— Люди.

Ган увидел.

На нижней площадке появилась женщина.

Медленно вышла из дома.

Остановилась.

Постояла.

Потом вернулась.

Не выглядела больной.

Не звала на помощь.

Но в её движениях было что-то странное — словно каждое действие заранее требовало слишком большого решения.

Через несколько минут появился мужчина.

Сел у стены.

Так и остался.

— Они не заперты физически, — сказала Лара.

— Похоже.

— Тогда почему никто не выходит?

На соседнем мосту стояли люди.

Среди них Эн.

Рядом Сава.

Тэй.

Несколько Мэй.

Никто не переходил.

Андрей увеличил звук.

Голоса.

Одно слово повторялось чаще других:

— Шаа.

Теперь уже ясно.

Это не имя.

Не название ветви.

Что-то произошло с самой ветвью или с её состоянием.

Ган посмотрел на нижнюю часть изображения.

У основания мостового перехода висел знак.

Вчера его не было.

Три горизонтальные линии, перечёркнутые одной вертикальной.

Сава нарисовала похожий знак во время первого знакомства с племенами, но тогда он затерялся среди других.

Теперь знак висел на верёвке.

Предупреждение?

Запрет?

Ограничение?

— Сегодня идём туда, — сказал Ган.

Андрей не ответил.

Лара повернулась.

— Идём смотреть. Не спасать мир.

— Договорились.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Она несколько секунд смотрела на него.

— Тогда хорошо.

У белой двери их встретил Тэй.

Сегодня он не улыбался.

В руках держал короткую палку с привязанными к ней тремя небольшими колокольчиками.

Когда Ган вышел, Тэй встряхнул палку.

Колокольчики прозвенели.

Потом он показал на них.

На Гана.

На Лару.

Снова встряхнул.

— Зачем?

Тэй не понял.

Показал на лесную тропу.

Потом на колокольчики.

Потом неожиданно прикрыл глаза.

Сделал несколько медленных шагов.

Остановился.

Позвонил.

Открыл глаза.

Ган нахмурился.

Лара поняла раньше.

— Чтобы отмечать движение?

Тэй снова пошёл.

Звон.

Пауза.

Звон.

Движение.

Звук.

Потом показал в сторону тёмной ветви.

— Шаа.

Вот.

Там движение и звук почему-то важны.

Или наоборот — запрещены?

Тэй вложил палку Гану в руку.

Потряс.

Удовлетворённо кивнул.

Лара получила вторую.

Сам Тэй взял третью.

Непривычный отряд.

Трое взрослых людей идут к огромному дереву с детскими колокольчиками.

Ган вдруг подумал, что именно этого ему не хватало во всех старых историях о столкновении с неизвестным: бытовой нелепости.

Если бы человек действительно встретился с новым миром, половина великих открытий наверняка происходила бы в неудобной обуви, с плохо застёгнутым рюкзаком и предметом, назначение которого он понял неправильно.

Возле Гаан собрались люди всех пяти групп.

Ган впервые видел столько Мэй.

Они поднимались из проходов между корнями небольшими группами, неся сосуды с землёй, клубки тонких белых нитей, какие-то корневые срезы.

Тар пришли снизу по воде.

Ор принесли металлические пластины.

Сай уже сидели на верхних площадках с приборами.

Ран находились ближе всех к самой ветви.

Вчера пять традиций сложились вокруг Ара как части одного большого события.

Сегодня они спорили.

Громко.

Очень.

Сава стояла в центре.

Хэр отвечал ей так резко, что даже без языка было понятно: они не согласны.

Орт вмешивался.

Эн молчал.

Одна из женщин Мэй несколько раз ударила ладонью по земле.

Сай на верхней площадке вообще не вступали.

Аира увидела Гана и подошла.

Показала на тёмную ветвь.

— Шаа.

Ган повторил.
— Шаа.
Она кивнула.
Потом сделала жест, которого он ещё не видел.
Сжала обе ладони в кулаки.
Подержала.
Разжала.
И снова:
— Шаа.
Ган показал на раскрытые ладони.
Аира сказала другое слово.
Не успел уловить.
Она повторила.
— Рэй.
Снова:
кулаки.
— Шаа.
Открытые руки.
— Рэй.
Закрытое — открытое?
Сжатие — отпускание?
Остановка — движение?
Ган поднял колокольчик.
Встряхнул.
— Рэй?
Аира улыбнулась.
Кивнула.
Потом зажала колокольчик рукой.
Он замолчал.
— Шаа.
Вот уже гораздо яснее.
Шаа — прекращённое, удержанное, остановленное.
Но почему слово переводилось названием главы как «Тени»?
Пока неясно.
Может быть, глава ошиблась.
Это становилось почти традицией второй части.

Эн подошёл.
Взял Гана за руку.
Провёл к краю площадки.
На земле лежала большая дощечка с рисунком.
Гаан.
Несколько ветвей.
Одна закрашена углём.
Тёмная.
Возле неё — знак Шаа.
Эн нарисовал стрелки вдоль живых ветвей.
На остановленной — стрелки обрывались.
Не тьма.

Поток.
Ган присел.
Показал на ветвь.
Потом провёл ладонью, будто что-то движется.
Эн кивнул.
Показал на живую часть Гаан.
— Рэй.
На чёрный рисунок.
— Шаа.
Вот.
Движение и его остановка.
Но что именно движется?
Вода?
Сок?
Поле?
Воздух?
Люди?
Всё вместе?
Эн не стал объяснять дальше.
Возможно, потому что не мог.
Возможно, потому что считал очевидным.

Подход к ветви перекрывал знак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.